

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена»

На правах рукописи

ПРИЛУЦКИЙ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ

**НАРОДНАЯ ЭСХАТОЛОГИЯ ПРАВОСЛАВНОГО ГЕНЕЗИСА
НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ**

5.11.2. Историческая теология (по исследовательскому направлению:
православие, ислам, иудаизм, протестантизм, буддизм) (теология)

Диссертации в виде научного доклада
на соискание ученой степени доктора теологии

Научный консультант:
доктор исторических наук,
доцент Соколов Р.А.

Санкт-Петербург
2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Основное содержание.....	19
1. Маргинальная эсхатология: структура, семиотика и семантика дискурса.....	19
2. Нарративы эсхатологической конспирологии.....	21
3. «Эпидемия» и «болезнь» как эсхатологические концепты.....	24
4. Монархические мифотеологемы дискурсов НЭПГНВ.....	26
5. Географические концепты в эсхатологическом дискурсе.....	30
6. Оригинальные концепты маргинальной эсхатологии.....	31
7. Фантастические дискурсы эсхатологии.....	40
Заключение.....	41
Список работ, опубликованных автором по теме диссертации.....	43

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования

Отличительной чертой современного состояния народной религиозной культуры является исключительная востребованность эсхатологических нарративов. Контент-анализ религиозного сегмента Рунета позволяет сделать вывод о том, что публикации, посвящённые эсхатологической интерпретации различных современных событий и процессов, характеризуются значительным количеством просмотров и комментариев. Современный эсхатологический дискурс отличается продуктивностью: социальная конъюнктура способствует возникновению новых эсхатологов и контекстуальному переосмыслению существовавших ранее. При этом формирующиеся эсхатологические нарративы способны оказывать влияние на поведение людей. Согласно документу, принятому Архиерейским собором Русской Православной Церкви в 2013 году, «в обществе распространяется обоснованная тревога по поводу того, что использование пожизненного персонального цифрового идентификатора в виде кода, карты, чипа или тому подобного может стать обязательным условием доступа каждого ко всем жизненно важным материальным и социальным благам. Использование идентификатора вкупе с современными техническими средствами позволит осуществлять тотальный контроль за человеком без его согласия – отслеживать его перемещения, покупки, расчеты, прохождение им медицинских процедур, получение социальной помощи, другие юридически и общественно значимые действия и даже личную жизнь». При этом важно учитывать, что «никакой внешний знак не нарушает духовного здоровья человека, если не становится следствием сознательной измены Христу и поругания веры»¹. По словам Предстоятеля Русской Православной Церкви Патриарха Кирилла, «апокалиптические страхи были присущи христианству на протяжении всей его истории, но со временем Церковь осознала, что пришествие Спасителя – это внеисторическое и метаисторическое событие, и никому не дано знать, в какой момент оно наступит»². Однако для народной эсхатологии характерны принципиально иные оценки.

Так, в 2007 г. группа последователей эсхатологически настроенного проповедника, душевнобольного Петра Кузнецова, порвав все связи с миром, удалилась в затвор в подземное убежище в Пензенской области. По информации СМИ, несколько человек погибли в антисанитарных условиях сырого и холодного подполья.

В 2009-2010 гг. в Псковской области формируется маргинальная община во главе с эсхатологически настроенным проповедником Эдуардом Агеевым, именующим себя «архиепископом Сергием». Согласно опубликованным в

¹ Заявление Священного Синода Русской Православной Церкви 7 марта 2000 г. URL: <https://www.patriarchia.ru/article/98602?ysclid=mnqrqu0r6q53982308> (дата обращения 20.01.2026).

² Патриарх Кирилл заявил, что апокалипсис неминуем. URL: <https://ria.ru/20251016/apokalipsis--2048674355.html> (дата обращения 20.01.2026)

Интернете заявлениям-воспоминаниям бывших общинников, в сообществе практикуется отказ от документов, ограничивается возможность лечения в медицинских учреждениях, индуцируются апокалиптические страхи. Из опубликованных в Интернете материалов следует, что деятельность «архиепископа Сергия» вызывала вмешательство правоохранительных органов. Известно, что в общине произошел пожар, уничтоживший строение, предназначенное для совершения богослужений. Информация о современном состоянии общины носит противоречивый характер.

В 2013 г. группа последователей Владимира Коковина, причисляющего себя к т.н. «Истинно-Православной Церкви», обосновалась в глухой деревне Красноярского края. Под влиянием проповеди Коковина, члены его общины уничтожили документы и готовились к приходу антихриста. Деятельность В.Коковина привела к длительным судебным тяжбам: «в настоящее время община В.Г. Коковина продолжила свою деятельность, а уголовное преследование лидера его «последователи» тоже считают «заказным», «сфабрикованным», «травлей», «клеветой» ... С большой вероятностью можно сказать, что деятельность организаций, к руководству которыми вернулись эти лица (т.е. Коковин и его последователи – А.П.), может ещё принести вред жизни и здоровью граждан»³.

В 2015 г. еще одна группа религиозных фанатиков – последователей Вениамина (в «иночестве» Евстратия, в «схиме» Даниила) Филиппова, уничтожив паспорта, СНИЛС, ИНН и другие документы, удалилась в заброшенную и фактически отрезанную от цивилизации деревню в Пермском крае. Их духовный наставник, обличитель экуменизма и «всеобщего отступничества последних времен», лишенный сана церковным судом Русской Православной Церкви, призывает к отказу от документов, и выступает против использования товаров, имеющих маркировки со штрих-кодом. Некоторое время община Филиппова находилась в практически полной изоляции от мира; в условиях отсутствия квалифицированной медицинской помощи скончалась пожилая женщина из числа последователей лидера. Данные о современном состоянии дел в общине носят противоречивый характер.

Эсхатологические мотивы играли заметную роль в проповедях Н.В. Романова (бывшего схиигумена Сергия), в настоящее время отбывающего наказание за преступную деятельность.

Эсхатологическая проповедь «Зосимы»⁴, именующего себя одновременно «царем, патриархом и пророком» побуждает адептов не только разрывать социальные связи, но и внушает последователям антигосударственные идеологемы: эсхатологические концепты используются

³ См.: Карпачева Т.С. Амнистия на досудебной и судебной стадиях уголовного судопроизводства: проблемы и последствия (на примерах уголовных дел по ст. 239 УК РФ) // Московский юридический журнал. 2022. № 1. С.115.

⁴Леонид Власов, внесен в Перечень террористов и экстремистов Росфинмониторинга.

для демонизации органов публичной власти. В настоящее время в отношении «Зосимы» осуществляется уголовное преследование.

К сожалению, приведенный список не является исчерпывающим. Очевидная корреляция эсхатологической ажитации и склонности к экстремистскому поведению позволяет говорить о формировании экстремистской эсхатологии, возникновении и развитии эсхатологических субкультур и контркультур, транслирующих эсхатологические страхи и социально-деструктивные установки. Анализ содержания новейших эсхатологических мифологем и мифотеологем, в частности, обусловленных недавними противоэпидемическими мероприятиями, развитием современных информационных технологий, современными геополитическими вызовами etc., позволяет соотнести их с угрозами и рисками для традиционных ценностей, перечисленными в Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Многие современные маргинальные эсхатологические нарративы оказывают разрушительное воздействие на базовые моральные и культурные нормы, институт брака, семейные ценности, провоцируют в обществе вражду и ненависть по отношению к различным социальным группам.

Популяризация и распространение радикальных и экстремистских эсхатологических мифотеологем, массовое индуцирование эсхатологических страхов, культивирование фанатизма, различных псевдоисторических «концепций», как мы это видим на примере перечисленных выше эсхатологических сообществ сектантского типа, препятствует достижению целей государственной политики в области исторического просвещения, а именно – «сохранению традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, созданию условий для противодействия попыткам навязывания народу России деструктивных идеологических установок, противоречащих этим ценностям»⁵.

Исследование современной эсхатологии, в частности – маргинальных эсхатологических нарративов, их содержания, специфики распространения, влияния на социальные процессы обладает, в силу сказанного, научным и социальным значением.

Степень разработанности и состояние предметной области

Отечественными исследователями накоплен известный опыт изучения эсхатологических представлений. А.Ю. Григоренко в первой главе монографии, посвященной современной протестантской эсхатологии, анализирует преемственность современных эсхатологических воззрений,

⁵ См. Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения»

восходящих, по мнению автора, к архаичной мифологической религиозности⁶. М.В. Филатов обосновал правомочность и продуктивность концепта «народная эсхатология», которая не только является составной частью русской эсхатологии, но детализирует и делает более яркими образы, сложившиеся в книжной христианской эсхатологии, хотя и предполагает определенное новаторство. И.А. Бессонов раскрывает общие вопросы эсхатологии и приводит много уникальных источников, особый интерес представляет анализируемый им устный нарратив⁷. В монографии В.Э. Багдасаряна и С.И. Реснянского «Русская эсхатология: история общественной мысли России в фокусе апокалиптики» проанализированы модификации эсхатологической мысли, соответствующие различным этапам истории России⁸.

М.В. Ахметова изучает политические коннотации современного эсхатологического мифа и влияние социальных процессов на его динамику⁹. Она обращается к анализу как современной православной эсхатологии, так и эсхатологических взглядов новых религиозных движений. Н.С. Борисов разбирает эсхатологические компоненты древнерусской культуры повседневности¹⁰. В работах Р.А. Силантьева содержится анализ эсхатологических воззрений ряда паранаправославных сообществ, в том числе весьма экзотичных¹¹. Эсхатологические интуиции русской религиозной философии анализируются в работах Д.К. Богатырева¹². Специфика эсхатологических нарративов пореволюционной России отражена в трудах С.Л. Фирсова и опубликованных им источниках¹³.

⁶ Григоренко А.Ю. Эсхатология, миллениаризм, адвентизм: история и современность. Философско-религиоведческие очерки. СПб.: Европ. дом, 2004. 391 с.

⁷ Бессонов И.А. Русская народная эсхатология: история и современность. М.: Гнозис, 2014. 336 с.

⁸ Багдасарян В.Э., Реснянский С.И. Русская эсхатология: история общественной мысли России в фокусе апокалиптики. М.: Изд-во БОС, 2022. 324 с.

⁹ Ахметова М.В. Конец света в одной отдельно взятой стране: религиозные сообщества постсоветской России и их эсхатологический миф. М.: ОГИ, изд-во РГГУ, 2010, 336 с.

¹⁰ Борисов Н.С. Повседневная жизнь средневековой Руси накануне конца света: Россия в 1492 году от Рождества Христова, или в 7000 году от Сотворения мира. М.: Акад. проект, 2017. 395 с.

¹¹ Силантьев Р., Рагозин Ю. Паранаправославные секты современной России. М.: Снежный Ком М., 2021, 432 с.

Силантьев Р.А. К проблеме классификации паранаправославных сект в современной России // Вопросы теологии. 2022. Т.4. С.723-731.

¹² Богатырев Д.К. Проблема бытия в философии и теологии // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2007. №2. С.138-153.

Богатырев Д.К. Философия истории до и после Гегеля: российский опыт // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2020. Том 21. Вып. 4. Ч. 2. С.11-33.

¹³ Фирсов С.Л. Стать и вера. К истории мифа о «загадочной русской душе». СПб.: Изд-во Академия исследований культуры, 2025; Григорий Распутин: pro et contra, антология / Сост., вступ. статья, С.Л. Фирсов СПб.: РХГА, 2020. 1088 с.

Кроме того, в последнее время были опубликованы отдельные работы, посвященные специфике старообрядческой эсхатологии¹⁴, культурологическому анализу эсхатологического дискурса¹⁵, корреляциям эсхатологических представлений и идеологием антисемитского дискурса¹⁶ и другим частным вопросам научного исследования эсхатологии. Большинство исследователей современной эсхатологии исходят из тезиса о мифологическом характере народной эсхатологии, которая на системном и концептуальном уровнях противостоит теологической эсхатологии.

Анализ конспирологической эсхатологии в настоящее время ориентирован на рассмотрение отдельных конспирологических концептов, наибольшее число исследований, публикуемых в 2021–2024 гг., так или иначе связано с проблематикой медицинского и парамедицинского конспирологического мифа. Это понятно: память о недавней эпидемии и обусловленных ею ограничениях до сих пор во многом влияет на социальное поведение людей. Исследования, посвященные влиянию эпидемической ситуации на формирование различных эсхатологических представлений, представлены работами С.П. Артеева¹⁷, А.И. Дроздова и К.В. Разбейкина¹⁸, И.А. Коркишко¹⁹ других авторов. Исследовательский интерес к данной тематике обусловлен значительной перлокутивной силой медицинского конспирологического мифа. Особо следует отметить исследование парамедицинских дискурсов эсхатологической конспирологии, сформировавшихся под влиянием травмирующих социум недавних противозэпидемических ограничений, представленное в статье А. А. Панченко²⁰. Ему же принадлежит опубликованное в 2015 году и не

¹⁴ Любимова Г.В. «Техническая эсхатология» в современной народно-православной и старообрядческой традиции Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 3. С. 119-127.

Свиридонова А.И. Старообрядческая эсхатология первой половины XX в. по материалам периодической печати // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8, Вып. 3(57); Малафеева М.А. Бинарные и сверхбинарные оппозиции в контексте старообрядческого эсхатологического дискурса // Вестник Русской христиан. гуманитарной академии. 2014. Т. 15, Вып. 2. С. 225-231.

¹⁵ Ковальска-Стус Х. История и эсхатология на границе двух культур // Филаретовский альманах. 2013. № 9. С. 123-134.

¹⁶ Красиков А.А. Эсхатология и антисемитизм в православии // Современная Европа. 2018. № 1(80). С. 148-150.

¹⁷ Артеев С. П. Пандемия COVID-19: конспирология и антиконспирология // Власть. – 2022. Т. 30. № 1. С. 58-63.

¹⁸ Дроздов А. И., Разбейкин К.В. Пандемия коронавируса и конспирология // Церковь и пандемия. Нижний Новгород: Нижегородская духовная семинария Нижегородской Епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат), 2021. С. 129-135.

¹⁹ Коркишко И. А. Конспирология о пандемии COVID-19 как мифотворческий феномен // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2022. № 3. С. 114-125.

²⁰ Панченко А. А. «Нарративы тревоги» и скрытые онтологии: протесты против вакцинации в «консервативном православии» и их культурный контекст // Versus. 2022. Т. 2. № 3. С. 106-112.

потерявшее актуальности исследование мифотеологемы «Компьютер-Зверь», в настоящее время получившей «второе дыхание»²¹. Частные вопросы политической эсхатологии в контексте современной герменевтики цареубийства 1918 года отражены в статье С.А. Штыркова²². Основные понятия современной конспирологической эсхатологии были представлены и описаны в недавно изданном словаре «Термины и понятия радикальных религиозных субкультур»²³. Исследование информационно-герменевтической специфики «конспирологических фейков» представлено в статье С.А. Шомовой²⁴. Предпосылки современной медицинской конспирологии проанализированы в монографии В.Ю. Лебедева, В.А. Федоров и А.Л. Безрукова «Медицина и болезнь в современной социальной мифологии»²⁵. Проблемам изучения религиозного мифо-ритуального комплекса посвящена монография И.П. Давыдова²⁶. Особую важность в контексте нашего исследования имеют работы проф. В.Ю. Лебедева, посвященные семиотике и герменевтике мифологического дискурса, обосновывающие концепцию семиотического дрейфа и ламинарности культуuroобразующих страт.

Перечисленные выше публикации ввели в научный оборот новые данные относительно содержания и функционирования эсхатологических концептов, что позволяет перейти к рассмотрению вопросов их категоризации.

Несмотря на выраженную актуальность, влияние эпидемической ситуации на современную религиозную ситуацию в настоящее время является изученным явно недостаточно. Сегодня мы располагаем лишь несколькими статьями, посвященными частным вопросам проблемы. В статье Р.Н. Лункина анализируется влияние эпидемии на социальную активность религиозных общин и политизацию религии в постсекулярном обществе²⁷. Л.Д. Битехтина рассматривает социорелигиозную проблематику, акцентированную эпидемией, при помощи концепта эсхатологического

²¹ Панченко А. А. Компьютер по имени Зверь: эсхатология и конспирология в современных религиозных культурах // Антропологический форум. 2015. № 27. С. 122-141.

²² Штырков С. Духовное видение истории как дискурсивный порядок политической эсхатологии: убийство семьи Николая II в поздней постсоветской православной историософии // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2019. Т. 37. № 4. С. 130-166.

²³ Термины и понятия радикальных религиозных субкультур: Словарь-справочник, учебное пособие. СПб.: Первый издательско-полиграфический холдинг, 2023. 172 с.

²⁴ Шомова С.А. От конспирологии до розыгрыша: проблема мис- и дезинформации в пандемийном дискурсе // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2023. Т. 8. № 1. С. 5-23.

²⁵ Лебедев В.Ю., Федоров В.А., Безруков А.Л. Медицина и болезнь в современной социальной мифологии. Тверь: Альфа-Пресс, 2020. 336 с.

²⁶ Давыдов И.П. Эпистема мифоритуала. М.: Макс-Пресс, 2013. 180 с.

²⁷ Лункин Р.Н. Социально-политические последствия пандемии для Русской православной церкви: раскрытие внутреннего потенциала гражданской активности и социального служения // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2020. Т. 22, № 4. С. 547-558.

времени²⁸. Е.Н. Чеснова, Е.Г. Мартянова опубликовали результаты интересного исследования о влиянии эпидемии на когнитивные установки верующих²⁹. В.А. Скуденковым проанализировано воздействие эпидемической ситуации на такие показатели, как поиск виновных, умение брать на себя ответственность, уровень тревожности, гибкость/ригидность мышления³⁰. При этом основные мифологемы и мифотеологемы медицинской конспирологической эсхатологии, сформированные современной эпидемической ситуацией, до сих пор не изучены.

Отдельные направления эсхатологического монархизма описаны и проанализированы в работах П.В.Бочкова, благодаря его публикациям в научный оборот были введены сведения (и источники) об общинах «царя-патриарха-пророка Зосимы»³¹, именующего себя «архиепископом» Сергия Агеева³², материалы, транслирующие эсхатологическую мифологию так называемой Царской Российской Церкви и Царской Православной Церкви Святой Руси³³. Взаимосвязь эсхатологии и популярных в среде царебожников историософских воззрений описана в статье Е.В. Никольского³⁴. Ему же принадлежит удачная попытка концептуального исследования особенностей культа императоров в движении царебожников³⁵. Указанные авторы в своих

²⁸ Битехтина Л.Д. Опыт переживания эсхатологии времени в динамике и устойчивости смыслов при «Пандемии 2020» // Безопасность человека в экстремальных климатозоологических и социальных условиях: материалы XI международной научно-практической конференции (5-8 мая 2020 г.) / под науч. ред. М.Г. Чухровой. Новосибирск: Изд-во АНО ДПО «СИППИРС», 2020.

²⁹ Чеснова Е.Н. Вера, религиозность и эсхатологические настроения в условиях трансформации мировоззрения и угрозы глобальных проблем современности (на примере COVID-19) / Е.Н. Чеснова, Е.Г. Мартянова // Религиозная идентичность и межкультурные коммуникации: Материалы Всероссийского научного семинара, Астрахань, 28-30 октября 2020 года / Под общей редакцией А.П. Романовой, Д.А. Черничкина. Астрахань: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Астраханский государственный университет», 2020. С. 194-202.

³⁰ Скуденков В.А. Переживание неопределенности при пандемии // В поисках социальной истины: материалы II Международной научно-практической конференции (30 ноября 2020 г.) / под общ. ред. О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 2020. С. 426-429.

³¹ Бочков П.В. Зосимовцы: История неканонической группы «схимитрополита» Зосимы // Нива Господня. Вестник Пензенской Духовной Семинарии. 2021. № 1(19). С. 97-104.

³² Бочков П. Группировка лжеархиепископа Сергия (Агеева): очередной раскол и вызов церковному единству // Рязанский богословский вестник. 2022. № 1(25). С. 92-103

³³ Бочков П. История неканонической «единой православной царской Российской церкви» лжеархиепископа Николая (Ускова) (2003-2008) // Рязанский богословский вестник. 2020. № 1(21). С. 63-78.

³⁴ Никольский Е.В. Эсхатологические и историософские представления сектантов-царебожников // Религия. Церковь. Общество. Исследования и публикации по теологии и религии. 2020. № 9. С. 154-182.

³⁵ Никольский Е.В. Культ русских государей в сектантском движении царебожников // Сектоведение. 2017. Т. 6. С. 80-105.

работах комбинируют методологию религиоведческого и теологического исследования, что представляется вполне оправданным спецификой предмета исследования. Динамика монархических теологем и мифологем на постсоветском пространстве проанализированы М.Д. Суловым³⁶, однако его исследование, опубликованное в 2014 году, естественным образом не отражает современную динамику изучаемого объекта. Трансформации «идеи империи в русской ментальности» посвящена статья Е.Н. Соломахи³⁷. Причины формирования в русском религиозно-философском мировоззрении апокалиптических концепций проанализированы в статье В.Ю. Инговатова³⁸. Если движение царбожников в той или иной степени может быть признано если не изученным, то, по крайней мере, описанным, то публикации, непосредственно посвященные специфике современного эсхатологического монархизма как такового, отсутствуют. Это приводит к восприятию современного эсхатологического монархизма через призму царбожнического движения, что является концептуально ошибочным и в научном отношении непродуктивным.

При изучении исторического контекста формирования современной народной эсхатологии важную роль играют также церковно-исторические труды О.Ю. Васильевой, Д.А. Головушкина, С.Л. Фирсова, М.В. Шкаровского и др.

Объект и предмет исследования

Объектом исследования является эсхатологический дискурс. Согласно выводам исследователя западно-христианской теологии Якоба Таубеса, «в вопросе о сущности истории критерий и устой можно отыскать только тогда, когда вопрос ставится в ракурсе эсхатона: ведь в нем история выходит за свои пределы и становится очевидной самой себе». В связи с этим, обращение к эсхатологии в рамках историко-теологического подхода позволяет не только проанализировать заданный объект исследования, но и провести анализ эсхатологических концептов на более детальном уровне. Предметом исследования является содержание, структура, коммуникативные и прагматические особенности современных православных народных русскоязычных эсхатологических нарративов. Характеризуя предмет исследования при помощи лексем «миф», «мифологический», мы используем

³⁶ Сулов М. Генеалогия монархической идеи в постсоветских политических дискурсах Русской православной церкви // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2014. Т. 32. № 3. С. 75-116.

³⁷ Соломаха Е. Н. Синтез русской и имперской идеи в России: проблемы взаимодействия // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 2-1. С. 91-93.

³⁸ Инговатов В.Ю. Эсхатологические черты в русском религиозно-философском мировоззрении // Познание и деятельность: от прошлого к настоящему: материалы II Всероссийской междисциплинарной научной конференции, Омск, 03 декабря 2020 года. Омск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Омский государственный педагогический университет», 2020. С. 19-24.

их в качестве научных терминов. Подобное терминопотребление не является оценкой с точки зрения достоверности. Миф определяется как сюжетное повествование» о религиозно-значимых событиях. «В повседневной речи слово «миф» обычно обозначает нечто недостоверное, вымысел, к термину «миф» такое понимание неприменимо³⁹». Подобным образом термин «мифический» использует академик Е.Е. Голубинский и другие историки Церкви.

Цель и задачи исследования

Целью исследования является теологическая концептуализация народной эсхатологии православного генезиса Новейшего времени (далее – НЭПГНВ).

Задачами исследования является:

1. Конкретизация понятийного и терминологического аппарата исследования.
2. Разработка и апробация комплексной методологии исследования НЭПГНВ, включающей методы историко-теологического анализа, семиотического анализа, исследования герменевтической специфики дискурсов НЭПГНВ.
3. Теологический анализ содержания базовых концептов НЭПГНВ, представленных в виде мифотеологем.
4. Решение ряда задач классификационного характера.
5. Изучение системно-структурной специфики медицинской, политической, технофобской НЭПГНВ.

Методология и методы исследования

Исследование посвящено историко-теологическому осмыслению феномена народной эсхатологии православного генезиса Новейшего времени. Используемая методология предполагает прежде всего осуществление комплексного анализа современных эсхатологических нарративов в контексте церковной истории Новейшего времени. Совмещение синхронического и диахронического подхода позволяет выявить и проанализировать исторические корни феномена НЭПГНВ, восходящие не только и не столько к православной церковно-исторической эсхатологической традиции, сколько к религиозной ситуации, сложившейся в Российской Империи накануне XX века, к идеологемам монархического строя и их религиозному пониманию в богословском дискурсе того времени.

Как следствие в работе были использованы следующие методы:

1. Сравнительно-теологический анализ, который предполагает выделение в сравниваемых дискурсах базовых теологем с последующим сравнением специфики их раскрытия. Последняя может быть обусловлена конфессиональной принадлежностью автора и (или) реципиентов текста,

³⁹ Лебедев В.Ю., Прилуцкий А.М., Григоренко А.Ю. История религий. М.: Юрайт, 2016. С.59.

особенностями контекста, влиянием экстра-теологических факторов и т.д. Сравнительно-теологический анализ позволяет определить перечисленные факторы и проанализировать специфику их влияния на дискурс.

2. Методы семиотического анализа, в частности, теория семиотического дрейфа. Благодаря данной методике мы можем определить, каким образом в условиях заданной коммуникативной ситуации выступает эсхатологический объект: в виде метафоры, аллегории, символа или же он не несет семиотического значения. По мере дрейфа от метафоры к символу усиливается эсхатологическое напряжение семиосферы, это способствует активизации дискурсивной среды, развитию новых интерпретаций имеющихся эсхатологом, что сразу приводит к возникновению и новых нарративов. Обратное направление дрейфа приводит к понижению эсхатологического напряжения.

3. Метод теологического анализа, или теологический метод, предполагающий соотнесение исследуемых понятий и концептов с нормативным религиозным дискурсом и нормативными словарными дефинициями.

Источниковая база исследования

Наиболее редкими из задействованных являются *источники рукописные*, воспроизведение которых имеет четкие хронологические рамки - вторая половина-конец XX века. Так, именно в рукописном виде распространялся любопытный эсхатологический легендарный текст, известный как «Зоино стояние», в котором легендарные события окаменения кошунницы четко вписывались в эсхатологический контекст – «тогда скоро конец света». К этой же разновидности источников можно отнести т.н. «Письма счастья», рассылка которых в рукописном виде достигает пика к 70-80 гг. и в которых часто фигурируют угрозы, относящиеся к частной эсхатологии.

Большей степенью распространенности характеризуются *печатные издания*, причем, как выполненные типографским способом, так и при помощи офисной копировальной техники. Среди печатных источников встречаются как многостраничные издания, так и тонкие брошюры-буклеты, листовки и под. из собрания соискателя.

Особый интерес для исследования представляют *аудио и видеоматериалы, размещенные в Интернете и на носителях*, поскольку обращение к ним позволяет отслеживать динамику дискурсивной среды практически в режиме реального времени. При этом к недостаткам данного типа источников следует отнести эффект завышенной валидности, сложности верификации и установления авторства, многочисленные случаи нечеткого пародирования, не позволяющие точно установить авторскую модальность, что, в принципе, характерно для стилистики постмодерна.

С точки зрения жанровых характеристик источники могут быть классифицированы следующим образом.

Пророческие в широком смысле тексты. К данной разновидности относятся различные пророчества и предсказания эсхатологического характера.

Агиография и псевдоагиография позволяет включить эсхатологические сюжеты в жизнеописание святых и подвижников, используя их авторитет для продвижения эсхатологической повестки. В результате легендарные, апокрифические и откровенно недостоверные предсказания, будучи приписанными авторитетным лицам, приобретают статус достоверных и надежных.

Труды, претендующие на богословский статус, – явление достаточно редкое, обычно же в качестве «богословских сочинений» позиционируются различные антологии эсхатологических текстов, составленные без критики источников и какого-либо научного аппарата.

Религиозная публицистика и информационные сообщения об эсхатологически значимых событиях создают условия для эсхатологической интерпретации современных событий и процессов и поддерживает интерес к эсхатологической проблематике. Данные жанры позволяют на основе отдельных эсхатологических мифотеологем создавать сложные остросюжетные публицистические произведения, обладающие известной привлекательностью.

Особое место занимают в дискурсе *различные воззвания, обращения и послания*, благодаря которым лидеры эсхатологических сообществ влияют на социальное поведение адептов.

Классификация источников в соответствии с особенностью апелляции к авторитетам позволяют на синхроническом уровне отслеживать динамические процессы, протекающие в дискурсивной среде.

Псевдо-библейские цитаты, периодически встречающиеся в дискурсе, не обязательно свидетельствуют о плохом знании Писания авторами современных эсхатологических нарративов. В ряде случаев имеет место прагматическая стратегия использования псевдо-библейских текстов для придания авторитетности авторским выводам, причем достижению эффекта способствует отсутствие привычки к критическому мышлению у большинства адептов. В качестве примера можно привести высказывание «чудовища (вариант написания – чудовищи), рожденные во аде», которое в дискурсе псевдопророчеств Славика Чебаркульского атрибутируется как библейское. При этом авторы не обратили внимание на очевидную теологическую нелепость данного высказывания, предполагающего, что в аду возможно рождение, хотя и искаженной (чудовищной), но, тем не менее – жизни.

Если библейская и псевдобиблейская герменевтика представлена достаточно скромно, то *субдискурс различных старцев и пророческих* отличается детальной сюжетной проработанностью, именно его можно считать основополагающим с точки зрения смысловых корреляций и системно-структурных отношений.

Апелляция к легендарным и вымышленным текстам в дискурсе маргинальной эсхатологии тоже носит системный характер, хотя набор подобных текстов ограничен конъюнктурными факторами. Наиболее частотными являются тексты, приписываемые полу-легендарному монаху Авелю (Авелю Тайновидцу), опубликованные впервые в эмигрантской среде в качестве историософской притчи. Кроме того, популярны апокрифические пророчества преподобного Серафима Саровского, в том числе об узнавании грядущего царя воскресшим преподобным Серафимом. Иногда для обоснования выводов конспирологического характера используются ссылки на так называемый «план Даллеса» и косвенные отсылки к пресловутым «Протоколам сионских мудрецов» и материалам процесса Бейлиса.

Апелляция к современным научным открытиям и концепциям, то, что условно можно обозначить в качестве *апелляции к «науке»*, периодически встречается, но, как и следовало ожидать, носит выборочный, часто недостоверный и неverifiedируемый характер. Данный способ аргументации носит вспомогательный характер, поскольку ценность научного знания для адептов соответствующих взглядов не является весомой.

В качестве одного из источников авторитетной информации в последнее время все чаще выступают различные *конспирологические разоблачения*. В связи с тем, что в дискурсе маргинальной эсхатологии актуализируются конспирологические мифотеологемы, в нем возрастает интерес к различным журналистским расследованиям, не имеющим непосредственного отношения к религиозной проблематике, но при этом разоблачающим тайные цели мировой закулисы.

Анализ источников, привлекаемых для изучения дискурса маргинальной эсхатологии с точки зрения прагматики и коммуникационной интенции, позволяет выделить несколько типологизированных групп.

Информационные материалы для адептов и сочувствующих не только предназначены для выполнения информационной функции, но и спланивают адептов, формируя эффект избранничества, посвященности в проблематику, недоступную для профанного мира.

Тексты, *нормирующие поведение адептов*, содержат различные предписания и запреты, часто последние, как мы это видим на примере требований саботировать противоэпидемические мероприятия во время недавней эпидемии коронавирусной инфекции, претендуют на статус канонических предписаний.

Существует и особая прагматическая разновидность источников, которая условно может быть определена как *материалы пропагандистского (миссионерского) и рекламного характера*, направленные на вербовку адептов и популяризацию взглядов, суждений и практик соответствующих субкультур среди потенциально предрасположенных к их восприятию лиц. Это различные листовки, брошюры, видеозаписи, распространяемые адептами часто бесплатно.

Положения, выносимые на защиту

1. Важнейшей отличительной чертой НЭПГНВ является активное воспроизведение в ее нарративах мифотеологием – особого способа выражения религиозных концептов, комбинирующего мифологическое и теологическое выражение религиозного знания.

2. Формирование эсхатологических мифотеологием чаще всего происходит в результате вторичной мифологизации эсхатологических теологием таким образом происходит формирование основных сюжетов маргинальной эсхатологии.

3. Развитие маргинальной эсхатологии не может происходить без трансформации и модификации традиционных эсхатологических теологием. При этом причинами модернизации являются герменевтические и семиотические механизмы, обеспечивающие необходимую интерпретацию исходных концептов, привнесение в семантику теологием мифологических компонентов значения, а также конструирование новых мифотеологических комплексов, которые при кажущейся традиционности по своей сути являются модернистскими (семиотическая мимикрия формирует псевдотрадиционалистскую семиосферу).

4. Традиционные и модернистские концепты, хотя и могут воспроизводиться в рамках единого дискурсивного пространства, единой непротиворечивой теологической системы не образуют и образовать в принципе не могут, поскольку являются концептуально несовместимыми. Такое сосуществование принципиально несовместимых концептов порождает ламинарную эсхатологию.

5. Категория эсхатологического времени, комбинирующая в маргинальных религиозных дискурсах радикально-монархического паттерна мифологические и теологические признаки, оказывается хорошо структурированной, в ней имеется выраженная ретроспектива и перспектива. Ретроспектива эсхатологического времени в принципе близка классическим хронодискурсам мифотеологием о «золотом веке». В качестве аналога золотого века в анализируемой семиосфере чаще всего выступает время правления последнего российского императора, которое идеализируется как недостижимая и неповторимая эра общественного благополучия.

6. НЭПГНВ является мощным драйвером церковного модернизма, действующего под ширмой псевдо-традиций, им же и конструируемых, а декларируемая «борьба с модернизмом» на практике превращается в технологию шельмования неугодных иерархов, фактически же являясь инструментом трансляции крипто-модернистских мифотеологием. «Модернизм» превращается в пустое рамочное понятие с априорно негативным значением, в знак, с неопределенной областью денотации.

7. НЭПГНВ является герменевтической моделью, позволяющей приверженцам не только интерпретировать социо-политическую конъюнктуру, но и объединять базовые концепты в относительно стройную систему. Так, разрозненные мифотеологием о восстановлении в России

монархии, различные конспирологические сюжеты, почитание Славика Чебаркульского, доверие псевдо-пророчествам Авеля Тайновидца, почитание новоявленных неканонических икон и принятие обрядовых практик типа «правила схимонахини Антонии», эксклюзивная герменевтика ряда норм традиционного церковного права etc. структурируются в качестве взаимосвязанных элементов некоего условного, фантазмагорического комплекса религиозной культуры именно благодаря помещению их в единый эсхатологический контекст.

8. Апелляция к НЭПГНВ позволяет адептам маргинального православия (прежде всего – различных неканонических структур) решать множество практических задач: от литургических, до канонических и апологетических. Поскольку эсхатологическая проблематика традиционно будоражит общественное сознание, эсхатологические спекуляции оказываются способными привлечь внимание обеспокоенных людей к тому или иному маргинальному сообществу сектантского типа.

9. Многочисленные нарушения благопристойного и чинного течения «церковной жизни» в неканонических сообществах демагогически оправдывается ссылками на эсхатологические сюжеты. Заявлениями, что апокалиптическое завершение истории представляет собой совершенно особый временной промежуток, не имеющий прямых аналогий в предшествовавшей человеческой истории, идеологи маргинальных сообществ обосновывают нарушения канонов, изменение норм аскетики и литургики, в т.ч. изобретение новых литургических чинов, претензии на царский статус разного рода асоциальных маргиналов с сомнительным прошлым и еще более сомнительными перспективами. Коль скоро канонические нормы не предназначены для регулирования церковных отношений в условиях начавшегося эсхатологического господства ересей, каноничность иерархии должна в этих условиях определяться «иначе». Это же относится и к литургическим чинам – очевидно, что с точки зрения адептов эсхатологических субкультур, для исключительного времени⁴⁰ нужна исключительная литургия и аскетика: там, где перестают действовать физические и социальные законы, перестают действовать и традиционные нормы, организующие церковную жизнь.

10. Формирующаяся литургическая практика, обусловленная активным использованием различных неканонических литургических чинопоследований, в которых акцентировано эсхатологическое содержание и активно представлены конспирологические мифотеологемы, в целом представляет собой явление, обладающее многими чертами реального литургического модернизма, несмотря на наличие выраженной антимодернистской риторики.

⁴⁰ По словам монархиста Н.Е.Маркова, «в апокалиптические времена нарушения правил и понятий».

11. Дискурсы НЭПГНВ отличаются узостью герменевтического горизонта, шаблонностью библейской герменевтики, низкой степенью структурирования, в т.ч. смешением концептов общей и частной эсхатологии.

Научная новизна

1. Представлены результаты комплексного историко-теологического анализа НЭПГНВ, учитывающего современную эсхатологическую проблематику, включая нарративы медицинской, политической, технофобской эсхатологии.

2. Значительное количество источников, отражающих специфику конспирологической эсхатологии, введено в научный оборот.

3. Разработана и апробирована классификация источников, необходимых для научного изучения НЭПГНВ и формирования репрезентативной источниковой базы.

4. Выявлены и проанализированы основные отличия НЭПГНВ от патристической эсхатологии и основанной на нем современного православного понимания эсхатологии.

5. Выявлена и проанализирована специфика современной медицинской эсхатологии и связь медицинских эсхатологических нарративов с основными концептами маргинальной эсхатологии.

6. Разработана концепция конспирологической эсхатологии, основные концепты НЭПГНВ соотнесены с выявленными структурами конспирологического дискурса.

7. Выявлена и проанализирована специфика современной монархической эсхатологии.

8. Выявлена и проанализирована специфика эсхатологической интерпретации географических понятий, эсхатологической роли отдельных государств и формирующийся эсхатологический символизм сторон света.

9. Предложена качественная классификационная схема НЭПГНВ, учитывающая структуру, специфику теологического содержания и прагматические особенности дискурса.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит

в рассмотрении феномена НЭПГНВ как актуального примера новейшей народной религиозности, формируемого в результате сложных трансформаций и модификаций эсхатологического учения Церкви. Проведенные исследования позволили определить хронологические рамки и выявить базовые институциональные особенности НЭПГНВ. Обоснованные в публикациях соискателя теоретические положения и терминологический аппарат и могут использоваться для дальнейшего изучения современного теологического дискурса. Опубликованные материалы могут использоваться при преподавании церковно-исторических дисциплин (разделов новейшей церковной истории), при осуществлении экспертной деятельности.

Отраженная в публикациях тенденция радикализации НЭПГНВ актуальна в плане профилактики этно-религиозного экстремизма.

Апробация и достоверность результатов исследования

Достоверность результатов исследований подтверждается репрезентативной источниковой базой, применяемыми методами исследования, которые соответствуют цели и поставленным задачам.

Основные результаты исследований обсуждались в рамках научных конференций.

1. Международная научно-практическая конференция «Демографическая ситуация в России – риски и перспективы» (г. Санкт-Петербург, 13 декабря 2019 года). Тема пленарного доклада: «Социодинамика современной сельской религиозности»;

2. Международная научная конференция «Феномен новых религий в ситуации религиозного плюрализма и религиозной конференции» (г. Санкт-Петербург, 17 мая 2019 года). Тема пленарного доклада: «Религиозная конкуренция как семиотическая фикция»;

3. Международная научная конференция «Религиозная ситуация: северные векторы» (г. Санкт-Петербург, 9 февраля 2021 года). Тема пленарного доклада: «Сакральная география в дискурсах эсхатологии»;

4. Международная научная конференция «Религиозная ситуация: восточные дискурсы исторических, идеологических, этнологических, политико-правовых аспектов взаимодействия религиозных институтов, государства и общества» (г. Санкт-Петербург, 23-24 сентября 2021 года). Тема пленарного доклада: «Влияние эпидемии коронавируса на динамику религиозной ситуации: методологические аспекты проблемы»;

5. Международная научная конференция «Влияние современной эпидемической ситуации на динамику религиозных процессов» (г. Санкт-Петербург, 9 февраля 2022 года). Тема пленарного доклада: «Влияние противоэпидемических ограничений на современную эсхатологию»;

6. Международная научная конференция «Религиозная ситуация: Региональная специфика» (г. Санкт-Петербург, 17 июня 2022 года). Тема пленарного доклада: «Влияние эпидемического фактора на религиозную динамику в регионе»;

7. Межрегиональная научно-практическая конференция «Новые религии и новая религиозность» (г. Санкт-Петербург, 7 февраля 2023 года). Тема пленарного доклада: «Специфика современной эсхатологической конспирологии»;

8. Международная научно-практическая конференция «Дискурсы и практики традиции» (г. Санкт-Петербург, 29 февраля 2024 года). Тема пленарного доклада: «Традиционное и архаичное в дискурсах культуры»;

Также результаты исследований были обсуждены в ходе:

9. Экспертно-аналитического круглого стола «Термины и понятия радикальных религиозных субкультур» (г. Санкт-Петербург, 24 апреля 2023 года);

10. Межрегионального научно-практического круглого стола «Традиционные семейные ценности и формирование общероссийской гражданской идентичности в условиях современного информационного общества» (г. Санкт-Петербург 31 мая 2024 года);

11. Межвузовского круглого стола «Межконфессиональное согласие в молодежной среде» (г. Санкт-Петербург, 4 октября 2024 года).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ

1. Маргинальная эсхатология: структура, семиотика и семантика дискурса

Под маргинальной эсхатологией мы будем понимать совокупность представлений об апокалиптическом светопредставлении и сопряженных с ним событиях и процессах, характерных для различных православных субкультур преимущественно радикально-фундаменталистского паттерна. В принципе, выразителей подобных взглядов, типичных для различных неканонических обществ и движений, можно встретить и в каноническом пространстве Русской Православной Церкви, поэтому их соотнесение с различными неканоническими и псевдоканоническими юрисдикциями не может быть проведено последовательно. Однако если в канонических пределах Русской Православной Церкви подобные взгляды преимущественно популярны среди мирян и отдельных «старцев», то в обществах неканонического православия их часто транслируют священники и даже архиереи.

В целом для маргинальной эсхатологии (с теми или иными исключениями) характерно:

- Радикальное неприятие современного информационного общества, высокотехнологичного производства, часто проявляющееся в демонизации городского уклада и идеализации деревни с неизменными «землицей, пшеничкой, водичкой, вербочками, скотинкой, курочками, козочками, травкой»⁴¹, которые должны прокормить верующих во время эсхатологического голода,
- Актуализация эсхатологических концептов в повседневном праксисе, ожидание апокалиптических событий в ближайшее время,
- Комплекс представлений об апостасии большинства (вар. – всех) иерархов канонических православных церквей,

⁴¹ Использование в подобных высказываниях деминутивов наблюдается на системном уровне.

- Исключение возможности практически всех контактов с представителями других религий и конфессий, интерпретация любых межрелигиозных контактов, в т.ч. по вопросам социальной повестки и даже совершаемых из элементарной вежливости, в качестве символов эсхатологической апостасии иерархии,
- Оценка различных органов и ветвей государственной власти как «богоборческих»; монархические идеологемы наполняются эсхатологическим содержанием,
- Пророческая и псевдопророческая аргументация, обращение к текстам пророчеств различных, зачастую анонимных и псевдонимных старцев, специфическая герменевтика,
- Выраженный алармизм и эскапизм.

С точки зрения организации используемых семантических структур, маргинальная эсхатология характеризуется неразличением мифологических и теологических концептов, причем зачастую мифологические и теологические значения представлены в семантическом смешении, формирующем мифотеологический конструкт.

Будучи во многом сходной с явлениями народной религиозности, маргинальная эсхатология отличается от них тем, что ее понятийный ряд во многом формируется не стихийно, но вполне целенаправленно идеологами «истинного православия» как инструмент перлокутивного воздействия на мировосприятие и социальное поведение верующих, распространение подобных взглядов среди прихожан канонических приходов РПЦ также является инструментом своеобразного миссионерства, направленного на вовлечение последних в различные сообщества альтернативного православия. Однако в тех формах, в которых концепты маргинальной эсхатологии стихийно воспроизводятся в низовой околохрамовой среде, они на структурно-смысловом уровне переплетаются с феноменами народной религиозности, причем зачастую до степени неразличения. Если, функционируя в такой форме, они непосредственно рекламируют различные конкурентные дискурсы и не служат, то, тем не менее, негативное отношение к церковным институтам и отдельным иерархам формировать могут.

Современные исследования религиозного фундаментализма показывают, что при определенных условиях религиозный фундаментализм и религиозный модернизм оказываются амбивалентными феноменами. Анализ источников подтверждает этот вывод: развитие маргинальной эсхатологии не может происходить без трансформации и модификации традиционных эсхатологических теологем, поскольку иначе их невозможно приспособить к неоперационалистской прагматике. Методами модернизации выступают герменевтические и семиотические механизмы, обеспечивающие необходимую интерпретацию исходных концептов, привнесение в семантику теологем мифологических компонентов значения, а также конструирование новых мифотеологических комплексов, которые при кажущейся традиционности по своей сути являются модернистскими (семиотическая

мимикрия таким образом формирует псевдотрадиционалистскую семиосферу).

Отличительной чертой современной религиозной ситуации является выраженный синкретизм религиозной культуры, формирующийся под влиянием глобальных социо-политических процессов, разрушительных для традиционных и традиционалистических культур. Под воздействием процессов глобализации и влиянием мировоззренческих установок, восходящих к постмодерну, формируется тип культуры, который можно определить, как ламинарный. Его отличительной чертой является распад некогда стабильных и устойчивых культурных систем (эстетика, этика, стиль, искусство, религиозные традиции и т.п.), обильное деление на страты, влекущее за собой разнообразие дискурсов, усложнение семиосферы и снижение межстратного напряжения, которое, приводит, в том числе к исчезновению границы между религиозным фундаментализмом и модернизмом. Можно констатировать, что ламинарной культуре соответствует ламинарная эсхатология.

2. Нарративы эсхатологической конспирологии

Конспирологический миф можно определить как совокупность мифологем, которые используются для интерпретации социоисторических процессов как результата целенаправленного действия могущественных сил, тщательно скрывающих свое существование или какое-либо отношение к данным явлениям и процессам. Так называемая «альтернативная рациональность» формируется в результате действия факторов социальной нестабильности, роста социальной напряженности, существенных изменений привычного образа жизни, различных деприваций на герменевтический объект: в результате формируются представления о том, что большинство сограждан не имеют правильного представления о подлинной сущности и значении происходящих процессов и событий. В результате этой установки формируется недоверие «официальным СМИ», а потребители массовой информации начинают искать альтернативные каналы ее получения. Отвержение основного эпистемического нарратива, лежащее в основе конспирологии, делает актуальным поиск альтернативных объяснений реальности.

Эсхатологизация конспирологических мифологем как правило происходит следующим образом. Конспирологическая мифологема, изначально лишённая религиозного значения, в результате включения в религиозный контекст, на гиперкатегориальном уровне начинает формировать эсхатологические смыслы. В большинстве случаев, эсхатология позволяет вписать конспирологический заговор, бенефициаром которого объявляется антихрист и (или) его слуги, в историческую перспективу. Адаптируемые дискурсом изначально религиозно-нейтральные конспирологические мифологемы, в результате этого формируют негативные коннотации и

провоцируют социальное недоверие к процессам и феноменам, наделяемым конспирологическим и эсхатологическим смыслами.

Инструментом формирования эсхатологической герменевтики в этом случае становится трансляция эсхатологического семиотического кода, элементами которого являются такие эсхатологические символы, как «имя зверя», «начертание зверя», «предпечать», «эшелоны», «цифровой концлагерь антихриста», «слуги антихриста» и под., одно повторение которых уже способствует усилению перлокутивной силы нарратива.

Аналогично происходит надделение эсхатологическими смыслами мифологем политической конспирологии, прежде всего мифологемы отсутствия государственного суверенитета и ее радикальной разновидности – мифологемы об оккупации России «жидами», данная мифологема изначально формировалась в рамках жидо-масонской мифологии как концепт «ига жидовского», представленный в псевдо-пророчествах Авеля Тайновидца. Эсхатологическая герменевтика позволяет не только усилить эмотивность и перлокутивную силу дискурса, но и объединить различные конспирологемы. В качестве предмета эсхатологической интерпретации могут выступать не только сформированные мифологемы, но и не создавшие устойчивых дискурсивных структур поводы социального недовольства, при условии, что последние в достаточной степени семиотизированы общественным сознанием в качестве символов чего-либо плохого и вредного: конспирология позволяет включить в их число паспортные и денежные реформы, переписи, массовые противоэпидемические мероприятия и т.д.

Подобным образом происходит надделение эсхатологическими смыслами конспирологем «церковного» конспирологического мифа, прежде всего обвиняющих высших иерархов в тайном католицизме и даже наличии «тайного кардинальского сана» и (или) посвящения в высокие градусы масонской иерархии. Полагаю, что данные конспирологемы сложились на основании и по аналогии с предшествующей конспирологией, предполагавшей наличие у иерархов советского времени «тайных генеральских званий» по линии КГБ. Данная конспирологема проникла в неканоническую иконографию: изображаемый на неканонических иконах «попираемый» патриарх Сергей изображается в брюках с генеральскими лампасами. Любопытно, что в полемическом дискурсе, обусловленном борьбой с обновленчеством 20-30 гг. XX века, аналогичным образом обновленческим иерархам на уровне устной наррации противниками обновленчества приписывался тайный высокий статус в «иерархиях» ОГПУ, НКВД» и в под. структурах.

Более сложным вариантом является эсхатологизация дискурса, сопровождающаяся развитием конспирологических смыслов.

Анализ конспирологической дискурсивной среды позволяет выделить следующие типы или разновидности конспирологии:

Паранаучная конспирология, постулирующая, что современная наука в той части, которая отвергается конспирологами, представляет собой результат

целенаправленных подделок, искажений и сокрытий, осуществленных «официальными учеными», образцом может служить «Новая хронология» акад. А.Т. Фоменко, основанная на утверждениях о тотальной фальсификации в области хронологии, археологии и методов датировки; базовый тезис паранаучной конспирологии – «ученые скрывают...»

Религиозная конспирология, представленная в двух основных изводах: *апостасийном* и *эсхатологическом*, согласно первому, за фасадом традиционных религиозных организаций злонамеренно действуют заговорщики, скрывающие правду и проводящие свою вредную политику, примером могут служить упомянутые выше слухи о «тайных кардиналах среди высших иерархов РПЦ МП», легенды о сокрытии иерархами достоверных источников, опровергающих традиционную христианскую догматику и т.п. Традиционными акторами подобной конспирологии являются «Ватикан» и «иезуиты». Эсхатологическая конспирология наделяет различные политические и технологические процессы современности мрачным эсхатологическим содержанием. Существуют различные контаминации апостасийной и эсхатологической конспирологии.

Политическая конспирология, утверждающая, что международные организации, правительства, политические партии и т.д. в реальности руководимы тайными могущественными заговорщиками, тогда как официальные властные структуры являются не более чем декорациями, призванными скрыть от непосвященных истинные центры принятия решений. Дискурсы политической конспирологии могут взаимодействовать с религиозными, тогда формируются мифотеологемы о том, что, «Евросоюз – зверь из бездны», «восьмой генсек ООН – антихрист», «ООН – коллективный антихрист» и т.д.

Медицинская конспирология, формируемая мифологемами о заговоре фармацевтических и медицинских корпораций.

Техногенная конспирология, утверждающая, что современные технологии обработки, передачи и хранения информации, производства различных товаров, продуктов питания и т.п. в интересах заговорщиков тайно используются производителями для нанесения вреда физическому, психическому и духовному здоровью людей. Дискурсы техногенной конспирологии часто взаимодействуют с эсхатологическими и медицинскими конспирологическими дискурсами. Анализируя специфику техногенной конспирологии необходимо отделять собственно конспирологические нарративы от текстов, передающих беспокойство верующих по поводу того, что новейшие технологии и информационные продукты могут использоваться в целях контроля над социальным поведением человека. В дискурсах техногенной конспирологии оправданная настороженность трансформируется в выраженную технофобию.

Контент анализ конспирологических текстов позволил нам выделить основные конспирологические мифологемы и идеологемы, которые используются при создании конспирологической дискурсивной среды.

Идеологема о предательстве элит (национальных, религиозных, политических). Согласно данной идеологеме, элиты, призванные действовать в интересах людей, им доверяющих, на самом деле являются тайными агентами «врага», исполняющими его волю, при том, что СМИ, различные подконтрольные им общественные институты, коррумпированные политики и т.д. обеспечивают информационную маскировку реализуемой ими вредной для простых людей политики.

Идеологема тотальной фальсификации. Данная идеологема постулирует, что современное информационное пространство целенаправленно заполнено ложной и лживой информацией, что касается как научных данных, так и новостной ленты.

Идеологема «враг везде» – люди, в том числе знакомые из ближайшего окружения, могут оказаться вовсе не теми, кем они кажутся при профанном восприятии действительности. Поскольку организация заговорщиков отличается могуществом, строгой иерархичностью и законспирированностью, ее агенты действуют повсеместно.

Мифотеологема эсхатологического заговора, обосновывающая, что происходящие события имеют злое эсхатологическое содержание и связаны с предсказанным в Откровении Иоанна Богослова предстоящим в конце существования мира воцарением антихриста. Таким образом, заговор из сферы политики переносится в сферу религии и религиозной онтологии. Так конструируется враг для последующей, тяжелой борьбы с ним.

Технофобские мифотеологемы позволяют интерпретировать современные технологии в конспирологическом и эсхатологическом контексте.

Контент анализ конспирологических нарративов позволяет сделать вывод о том, что конспирологический миф, вопреки логичному предположению, конструирует не реальность, но ее особую герменевтическую проекцию.

3. «Эпидемия» и «болезнь» как эсхатологические концепты

Эпидемии, войны, голод и различные природные катастрофы традиционно выступают триггерами эсхатологической герменевтики. В народном восприятии они быстро становятся символическими предвозвестниками приближения апокалиптического светопредставления. При этом каждый раз рост эсхатологических ожиданий приводит к тому, что библейские эсхатологические и апокалиптические тексты начинают истолковываться применительно к событиям современности. Так формируется актуальная эсхатологическая герменевтика, часто развивающаяся по паттерну мифологического дискурса. При этом актуализация смыслов происходит благодаря непосредственному соотнесению существующих эсхатологем с переживаемыми событиями, социальной конъюнктурой, что не только усиливает перлокутивную направленность эсхатологем, но и способствует росту их популярности.

Христианская герменевтическая традиция сформировала три паттерна (при возможности их сочетания) интерпретации болезней, социальных и стихийных бедствий, каждый из которых имеет серьезное патристическое основание, из которых только один (последний) непосредственно связан с эсхатологической концептосферой, это:

- Наказание за грехи,
- Орудие промысла Божия,
- Предзнаменование апокалипсиса.

Герменевтика дискурса событий, обусловленных недавней коронавирусной эпидемией и связанными с нею противоэпидемическими мероприятиями, осуществляется в религиозных субкультурах фундаменталистского типа преимущественно в рамках апокалиптического паттерна, обладающего наибольшим потенциалом продуцирования мифологических нарративов, что способствует росту эсхатологического напряжения и религиозного радикализма. Современные эсхатологические мифологемы и мифотеологемы, как правило, не только непосредственно связаны с социальной действительностью, но и оказывают на нее непосредственное воздействие.

Интересно, что в дискурсе фиксируются терминологические неологизмы «цифровая вакцинация» и «цифровакцинальная революция», выступающие в качестве жупела. От эсхатологической вакцинофобии следует отличать настороженное отношение к вакцинам, обусловленное возможными недостатками апробации последних.

Популярная среди различных ревнителей «истинного православия» цифрофобия и страх перед новыми технологиями, восприятие цифровизации преимущественно в контексте построения слугами антихриста пугающего «электронного концлагеря» способствует нагнетанию эсхатологических страхов, а объединение двух пугающих лексем «цифровизация» и «вакцина» в одно зловещее понятие «цифровая вакцинация» используется для дальнейшего перлокутивного воздействия, что облегчается семантической неясностью этой эсхатологемы.

Проведенный нами анализ текстов позволил выявить основные мифологемы и мифотеологемы, являющиеся базовыми для эсхатологических медицинских конспирологических нарративов.

- Противоэпидемические мероприятия в реальности являются инструментом распространения инфекции, используемым «антихристовыми слугами».
- Вакцинация является печатью или «предпечатью» антихриста. Вакцина содержит некий «чип», который, в свою очередь, содержит апокалиптическое число 666.
- Демонизация противоэпидемических мероприятий, предусмотренных Инструкцией настоятелям приходов и подворий, игуменам и игумениям монастырей Московской епархии в связи с угрозой распространения коронавирусной инфекции.

Кроме того, нами были выявлены основные тематические направления радикализации современного медицинского эсхатологического дискурса. Это:

1. Категорический запрет вакцинации, сопровождающийся открытой демонизацией противоэпидемических мероприятий.

2. Запрет молитвенного и евхаристического общения со всеми, имеющими сертификат о вакцинации, независимо от способа его получения: вакцинирование, подделка, приобретение фиктивного сертификата по коррупционным схемам.

3. Уподобление медиков, осуществляющих противоэпидемические мероприятия, «фашистам», предсказание их метафорической, а возможно и реальной казни через повешение.

4. Уподобление органов власти, вводящих противоэпидемические ограничения, «фашистам», уподобление вакцинации «геноциду».

5. Призывы к реальной войне /«подготовке к войне» с органами власти и всеми сторонниками противоэпидемических мероприятий.

6. Пророчества о том, что архиереи, поддерживающие противоэпидемические мероприятия, будут казнены после восстановления в России неограниченной монархии.

При этом наиболее устойчивыми (инвариантными) компонентами современного медицинского мифа в контексте противоэпидемических мероприятий являются следующие тезисы:

- Вакцинация не благословляется старцами,
- Вакцина, подобно чипу, может использоваться для слежки за людьми влиять на поведение и волю человека,
- Вакцина, подобно чипу, соотносится с печатью антихриста,
- Инициатором вакцинации, подобно чипированию, являются «темные силы»,
- Вакцинация каким-то образом способствует депопуляции населения.

События, обусловленные недавней эпидемией коронавирусной инфекции, наглядно показали, что медицинская конспирология оказывается способной активно продуцировать эсхатологические мифотеологемы и влиять на социальное поведение людей. Порожденный эпидемией мощный эсхатологический дискурс, позиционирующий себя в качестве «традиционного», на самом деле соответствует специфике архаического мировосприятия.

4. Монархические мифотеологемы дискурсов НЭПГНВ

Различные изводы монархической идеологии, как усвоенные русской культурой из византийского идеодискурса, так и сконструированные в условиях отечественной конъюнктуры, на протяжении веков догматизировались, обретая статус догматической истины.

В современном российском монархизме отчетливо представлены два направления, которые можно обозначить как романовский легитимизм и

эсхатологический монархизм. Для легитимистов основным вопросом являются права на престол различных представителей дома Романовых, оцениваемые в соответствии с дореволюционными законами о престолонаследии и императорской фамилии.

Современный эсхатологический монархизм представляет собой плохо структурированное движение радикального паттерна, в основе которого находится комплекс мифотеологем об эсхатологическом царе, богоизбранном правителе, который воцарится в России во время грядущих апокалиптических событий и процессов. Настроения эсхатологического монархизма особенно популярны в среде т.н. «царебожников», поскольку согласуются с их базовыми концептами – особым сакрально-религиозным статусом российского монарха, необходимости всенародного покаяния в нарушении соборной клятвы 1613 года, делигитимации современных институтов власти и гражданского общества. При этом современный эсхатологический монархизм не тождественен «царебожии», ожидание пришествия и воцарения «грядущего царя последних времен» не обязательно предполагает почитание царственного страстотерпца Николая Второго в качестве «царя искупителя», или, правильнее сказать – значение этого почитания в эсхатологическом монархизме и в «царебожии» различны: в первом случае оно имеет периферийное, а во втором – магистральное значение. Более того, следует отметить, что почитание Николая Второго в современном эсхатологическом монархизме носит скорее декларируемый характер, его образ правления фактически не является образцом для подражания грядущему эсхатологическому царю и даже не служит прецедентом. Это относится как к сфере сценариев власти, так и ко всей придворной эстетике последнего царствования. Предстоящее правление «грядущего царя» ожидается и как слом традиционной монархической парадигмы, сложившейся во второй половине XIX в., грядущее эсхатологическое царствование часто представляется как контаминация легендарных представлений о «мужицком царе», правлении Ивана Грозного и военном коммунизме.

Эсхатологический монархизм объединяет представителей эсхатологически настроенных фундаменталистских субкультур православного паттерна, для которых современная социальная реальность интерпретируется через призму радикального антиглобализма и мифологем конспирологического заговора масонов-сатанистов. В их среде особой популярностью пользуются темы отступничества иерархии, борьба с экуменизмом, модернизмом, криптокатолицизмом, информационными технологиями, электроникой, банковскими картами, документами, способами кодирования информации, современными технологиями, включая медицинские и т.д., идеи переселения из городов в деревни. Нами фиксируются дискурсивные референции к известным случаям отступничества клириков в период засилья советского атеизма, причем эти случаи служат основанием для обобщений, дискредитирующих каноническое православие. При этом эсхатологическое напряжение проявляется в теологемах и

мифотеологемах актуальной эсхатологии, при помощи которых современные события и процессы трактуются как имеющие эсхатологическое и апокалиптическое значение.

С точки зрения социальной стратификации, эстетики, идеологического и религиозного наполнения легитимизм и эсхатологический монархизм существуют в параллельных пространствах, практически не пересекаясь.

Интен-анализ наиболее популярных современных эсхатологических монархических текстов (в том числе пророчеств) позволяет сделать вывод о том, что мифологическую основу данного явления образуют:

- Ностальгические мифологемы Золотого века, идеализирующие не столько Российскую Империю, сколько средневековую Русь,
- Мифологемы героического мифа о царе как непобедимом герое-воителе,
- Конспирологические мифологемы о царе – единственной силе, способной противостоять могущественным врагам-заговорщикам.

Источниками монархических эсхатологических мифологем преимущественно являются пророчества, приписываемые с различной степенью достоверности канонизированным святым, либо не канонизированным, но широко почитаемым лицам, а также анонимные, псевдонимные и апокрифические тексты. Референции к Библии и в этом случае (что в целом характерно для НЭПГНВ) минимальны, они традиционно ограничены отдельными текстами книги Откровения и текстами, лежащими в основе учения о силе, удерживающей приход антихриста – «катехоне». При этом набирает популярность эсхатологическая интерпретация предсказаний о революционных потрясениях, сделанных крупными религиозными деятелями пореволюционного периода, тяжело переживавшими обострение в российском обществе предреволюционного периода апостасийных не только религиозных, но и социальных, культурных и политических процессов. Понятие «катехон» имеет различные интерпретации, в современном дискурсе эсхатологического монархизма наиболее популярной является отождествление катехона с образом «русского царя».

Контент анализ материалов, размещенных в интернете, в т.ч. на платформе YouTube, где мифо-эсхатологический монархический дискурс представлен наиболее репрезентативно, позволил выявить пять основных тематических блоков, содержащих мифологемы и мифотеологемы:

- О времени пришествия царя и необходимых условиях,
- О личности и происхождении грядущего царя,
- Об обстоятельствах прихода царя к власти,
- О характере правления царя,
- Об эсхатологической роли царя.

Большинство проанализированных текстов содержит утверждение о скором пришествии царя, имплицитно это выражено и в крайне популярном лозунге «царь грядет»⁴², который следует понимать: «царь уже близко».

Стоит отметить и тот факт, что восстановление монархии адептами мыслится исключительно как воцарение царя без восстановления традиционных институтов монархии, таких как придворный церемониал, аристократия, министерство двора, вся имперская эстетика. Грядущий правитель не случайно именуется исключительно русским царем, а не российским императором.

Согласно второй мифологеме, «будущий царь» – человек самого простого происхождения, с юности он претерпевал различные лишения, «много страдал» – очевидно, из-за бедности и низкого социального статуса, он ничем не будет выделяться из числа прочих людей до момента своего вступления на престол.

Согласно третьей положению, восходящему к словам Феофана Полтавского, будущий царь по материнской линии будет происходить из рода Романовых. Разумеется, данное ожидание, дискредитирующее маргинальных претендентов, не может быть особо популярным, поэтому в дискурсе часто оно маркируется как «это не главный критерий».

Комплекс представлений об обстоятельствах прихода царя к власти образован двумя мифотеологемами с превалированием мифологического компонента над теологическим. Первая мифотеологема восходит к корпусу пророчеств полу-легендарного Авеля.

Вторая мифотеологема восходит к корпусу пророчеств, приписываемых Серафиму Саровскому. Предполагается, что на царя, как избранника Божия, укажет воскресший Серафим Саровский.

Комплекс представлений о характере правления царя является наиболее разработанным, но при этом и в большей степени, нежели прочие, внутренне противоречивым и бедным на собственно теологическое содержание. Нами выявлены следующие устойчивые темы:

- Царь будет защитник веры и борец с ересями,
- Царь очистит Церковь от священников-отступников, либералов, модернистов и экуменистов, причем большинство архиереев лишится кафедр,
- Царь будет в своей деятельности полностью («на 100 %») руководим Богом, его невозможно будет обмануть,
- Царь изгонит из государства всех «жидов»,
- Царь установит запрет на аборты, продажу вина, пива и сигарет, предметов роскоши, покупку товаров из-за границы, косметику, маникюр, спорт, пластическую хирургию, контрацепцию, компьютерные игры, гаджеты, etc.

⁴² Нами фиксируется вариант написания «царь гредет», порожденное безграмотностью адептов.

- Жизнь в России во время правления царя будет благополучная,
- Жизнь в России во время правления царя будет бедная, но духовно богатая,
- Все враги, изменники и предатели будут казнены,
- Правление царя будет коротким,
- Правление царя будет достаточно продолжительным.

Таким образом, несмотря на противоречия, формируется «идеальный образ народного царя», который образуется контаминацией героических и ностальгических мифологем, а тотальный запрет, наказание и казнь выступают как главные инструменты теократического правления, что придает данному «идеалу» пугающий, и, одновременно, пародийный вид: аскетика подменяется самодепривацией.

5. Географические концепты в эсхатологическом дискурсе

Современная эсхатологическая дискурсивная среда последовательно адаптирует географические понятия, наделяя их эсхатологическим содержанием. В результате возникают и получают развитие представления о сакральности природных и культурных объектов, о «благодатности» или «безблагодатности» земель, формирующие предметное пространство геософии – системы символических представлений о взаимодействии человека с землей. Стороны света и ассоциируемые с ними территории не являются исключением: их эсхатологическая интерпретация ведется активно и продуктивно в плане формирования дискурса. Несмотря на то, что «Восток» в силу априорного символизма выступает смысловой доминантой данных процессов, продолжающаяся семиотизация Севера в эсхатологическом контексте является наиболее интенсивной в плане смыслообразования.

Сразу необходимо оговорить, что «эсхатологический Север» далеко не тождественен Северу географическому, более того, Север эсхатологического дискурса (далее будем использовать термин «эсхатологический Север») часто выступает в качестве понятия, не имеющего четкой привязки к сторонам света. Не будучи понятием в строгом смысле географическим, эсхатологический Север является скорее понятием ассоциативным: все, что ассоциируется со снегом, льдом, холодом, морозами и т.п. может в эсхатологических локусах сакральной географии маркироваться в качестве «северного», независимо от реальной географической привязки. Ожидаемое адептами исполнение эсхатологических пророчеств, согласно которым «льды на Севере растают» по причине эсхатологических катастроф, должно, по логике наррации, привести к тому, что географический Север перестанет интерпретироваться в качестве Севера эсхатологического. Сохранит ли он после этого свой сакральный статус? – этот вопрос остается без ответа. Наличие снега является обязательным семантическим признаком эсхатологического Севера, даже если на этом «снегу виноград будет расти».

Следует отметить, что в плане сакральной географии в современном эсхатологическом дискурсе Россия ассоциируется именно с Севером, а не с Востоком, как это можно было бы предположить.

В дискурсе нами выявлены две основные герменевтические линии, соотносящие концепт Север с проблематикой эсхатологической войны. Согласно первой, северные земли в меньшей степени, нежели Юг и, особенно Запад, пострадают от последствий эсхатологической войны, в ходе которой состоится вторжение Китая в Россию. Согласно второй, именно Север будет объектом главной военной экспансии государства антихриста, поскольку русская православная цивилизация будет единственной силой, противостоящей его мировому господству.

Восток упоминается в современных эсхатологических нарративах намного чаще Юга, при этом в большинстве случаев в качестве метонимического обозначения Китая. Роль последнего в эсхатологических событиях двоякая: с одной стороны, Китай в анализируемых текстах является источником военной угрозы и во многих профетических нарративах вторжение «китайских полчищ» в Россию интерпретируется в общем контексте эсхатологических бедствий и катастроф в качестве одного из устойчивых символов апокалипсиса. Наряду с этим, Китай мыслится и как инструмент Божьего промысла, как сила, которой предстоит очистить землю от различных безобразий, после чего предполагается массовое обращение китайцев в православие. Проект строительства огромного собора, предложенный в свое время Н.В. Романовым (бывшим схиигуменом Сергием) был обусловлен данными представлениями: собор планировался как место массового обращения китайцев в христианство. При этом Юго-Восточная Азия в эсхатологических апокрифах не играет особой роли: если она и упоминается, то или как объект геополитического интереса Японии (в отличие от китайского фактора, японский играет в эсхатологическом дискурсе явно вторичную роль) или в ряду прочих территорий, подверженных землетрясениям во время эсхатологических событий.

Запад в эсхатологическом дискурсе последовательно семиотизируется как метонимическое обозначение «развращенной западной цивилизации», это мир, утративший христианскую идентичность и поэтому являющийся априорно враждебным православию.

6. Оригинальные концепты маргинальной эсхатологии

Эсхатологическое время

Категория эсхатологического времени, комбинирующая в дискурсах НЭПГНВ мифологические и теологические признаки, оказывается хорошо структурированной, в ней имеется выраженная ретроспектива и перспектива. Ретроспектива эсхатологического времени в принципе близка классическим хронодискурсам мифологемы о «золотом веке». О последнем обыкновенно доподлинно известно лишь две вещи: *«золотой век – лучшая эпоха человечества»* и *«золотой век – эпоха прошедшая»*. В качестве аналога

золотого века в анализируемой семиосфере чаще всего выступает время правления последнего российского императора, которое идеализируется как недостижимая и неповторимая эра общественного благополучия. При этом эсхатологическая апофатика апокалиптического хронотопа трансформируется в концепт эсхатологической тайны, открытой посвященным.

Можно выделить два основных герменевтических сценария:

1. Все последующие за революциями 1917 г события вплоть до наших дней интерпретируются предельно негативно, как «наказания за измену императору», соответственно практически все социально-политические институты и органы власти рассматриваются если и не как непосредственные агенты антихриста, то как действующие в его интересах «безблагодатные узурпаторы», враждебные России и русскому народу; они априорно неспособны создать условия, необходимые для общественного процветания и справедливости. Таким же образом интерпретируется «сергианская церковь», правление всех патриархов послетихоновского периода. Равным образом дискредитируются все достижения советского периода отечественной истории.

2. В целом негативное отношение к советской действительности не распространяется на правление И.В. Сталина и на его личность. Последний противопоставляется В.И. Ленину и Н.С. Хрущеву⁴³ как некая символическая замена российского царя – большевистским узурпаторам власти, правление «железного императора Иосифа» интерпретируется как символическое предзнаменование грядущего восстановления монархии, а сам И.В. Сталин как последовательный борец с «изменниками» и «жидами».

Такова в общих чертах эсхатологическая ретроспектива. Что же касается эсхатологической перспективы, то анализ последней требует, прежде всего, выявления основных модальностей, используемых для выражения категории той разновидности времени, которое можно условно определить как *«будущее эсхатологическое»*. Данные дискурс анализа позволяют выделить три наиболее продуктивные модальности эсхатологических построений.

1. Фактическая модальность, связанная с детерминированностью суждений фактами, претендующими на объективность. Данный тип модальности претендует на придание дискурсам НЭПГНВ достоверности, в качестве материала используются факты и события современной истории в их своеобразной интерпретации. Последовательность событий носит «объективный» и детерминированный характер.

2. Профетическая модальность, связанная с верой в различные эсхатологические пророчества различной степени достоверности, часто – совершенно апокрифические, вымышленные или неверно истолкованные. Часто встречаются анонимные и псевдонимные ссылки на «старцев», «провидцев», и под.

⁴³ Последующие генеральные секретари в дискурсе не фиксируются.

3. Модальность возможного, используется для выражения возможности различных сценариев будущего. Наиболее ярко данная модальность выражена в эсхатологических ожиданиях восстановления в России православной монархии, которое произойдет только в случае всенародного покаяния, что отвечает критериям *возможного*, а не *неизбежного*.

Таким образом, *будущее эсхатологическое* не является временем строго детерминированным, его детерминированность носит скорее телеологический, но не событийный характер. Кажущаяся на первый взгляд событийная детерминированность, образцом чего является, например, суждения типа «кровавые репрессии стали неизбежным последствием царубийства», на самом деле тоже является образцом телеологического построения: и царубийство, и последующий за ним террор интерпретируются не просто как «исторические события», но эсхатологические символы, значение которых раскрывается именно в телеологической перспективе.

Будущее эсхатологическое является временем достаточно насыщенным событиями, обладающими выраженным символизмом. Оно стадильно, хотя его стадильность сложно поддается схематизации. В этом отношении оно напоминает теологические построения протестантского диспенсациализма, тоже пытающегося привнести стадильность в видение эсхатологической перспективы.

Расцвет информационных технологий, глобализация, равно как пророчимые расцвет колдовства, тотальная апостасия, войны и глобальный экологический кризис и т.п. интерпретируются в этом контексте не только как символические события приближения эсхатологического завершения истории, но и как своего рода периоды, отрезки времени, предшествующие эсхатон'у и обладающие собственным мистическим смыслом.

«Ересь киприанизма»

Понятие «ересь киприанизма» восходит к еклесиологическим взглядам митрополита Киприана (Димитриоса Куцумбаса), главы греческой неканонической старостильной юрисдикции «Синод противостоящих», изложенным в небольшом трактате (в русском переводе он известен под названием «Екклесиологические тезисы, или изложение учения о Церкви для православных противостоящих ереси экуменизма»).

Еклесиология митрополита Киприана основывается на тезисе, согласно которому «лица, заблуждающие в правильном понимании веры, и тем согрешающие, но еще неосужденные церковным судом, являются заболевшими членами Церкви».

В современном дискурсе словосочетание «ересь киприанизма» стала маркером, при помощи которого говорящий не только свидетельствует о своих еклесиальных предпочтениях (принадлежит или симпатизирует радикальному крылу непоминающих), но и выражает свое неприятие любых компромиссов не только с «мировым православием», но и с менее радикально настроенными сообществами. Будучи мемом информационного

пространства, словосочетание «ересь киприанизма» выполняет, однако не только функцию семиотического маркера-пароля и инструмента формирования коммуникативной модальности. Его использование позволяет реализовывать стратегии диффамации конкурентов и различные манипулятивные технологии управления поведением адептов соответствующих сектантских обществ.

Обвинение в «ереси киприанизма» активно используется в дискурсах НЭПГНВ, а сама эта «ересь» часто трактуется как один из эсхатологических символов, входящих в семантическое поле «эсхатологическая апостасия». Следует отметить, что богословский термин «ересь» в анализируемом дискурсе превратился в пейоратив с неопределенной областью денотации, используемый для шельмования несогласных.

Мифотеологема «предпечатать антихриста»

Одной из псевдотрадиционалистских мифотеологем, сконструированных всецело в рамках современной маргинальной эсхатологии, является мифотеологический комплекс «предпечати антихриста», получивший популярность в последнее время: об антихристовой предпечати пророчествуют различные анонимные и псевдонимные прозорливцы и старцы, рассуждают в своих проповедях и поучениях священнослужители неканонических юрисдикций (либо священники сомнительного канонического статуса, открыто не артикулирующие свою принадлежность «альтернативному православию» – «вышедшие в непомин» и т.п.).

Контент-анализ содержания дискурсов НЭПГНВ позволяет в общих чертах определить семантику мифотеологемы «предпечатать антихриста». Последняя понимается как «прообраз печати антихриста», обладающий всеми основными свойствами и качествами последней, но не в той же степени, в этом отношении предпечатать является семиотическим эквивалентом печати, но не самой печатью. Основное отличительное свойство предпечати – ее изгладимый характер, оставляющий возможность для покаяния всем, ее принявшим, тогда как принятие печати такую возможность уже исключает

Утверждается, что основная цель постановки предпечати является приготовление мира к принятию собственно печати антихриста⁴⁴, то есть обеспечение условий для установления антихристом экономического и религиозного господства над миром. Согласно наиболее типичным представлениям, популярным в маргинальных кластерах православной

⁴⁴ В дискурсе как синонимы используются словосочетания «начертание зверя» (см. Откр. 20:4), «печать зверя», «печать антихриста». При этом терминологический вариант «предпечатать» воспроизводится в формате устойчивого словосочетания «предпечатать антихриста». Другой распространенный вариант «предпечатать» (без атрибута).

церковности, предпечать антихриста является орудием *первоначального* экономического и духовного порабощения всего человечества.

Предположение о том, что печать антихриста будет налагаться «на товары» не имеет библейского обоснования и по своей сути является модернистским, равно как и вообще акцент на технический аспект. Традиционная патристическая герменевтика данного эсхатологического концепта ориентирована на раскрытие прежде всего духовного значения начертания зверя – добровольности ее принятия, символического содержания и сотериологических последствий. Технологический аспект Отцами не затрагивался как совершенно вторичный. Очевидно, что интерес к информационно-технологической теме в современной дискурсивной среде связан с эсхатологической интерпретацией современных информационных технологий и с одной стороны является реакцией на их распространение, а с другой – инструментом их демонизации.

При этом в дискурсе фиксируются представления о том, что «предпечать» может быть поставлена неявным образом в ходе, например, получения человеком документом, сдачи биометрии, использования электронных устройств, других подобных действий. При этом акцент делается на такую трактовку этих действий, согласно которой все они являются формой косвенного богоотступничества, следовательно, «предпечать» не ставится насильно, даже если она ставится тайно. Как один из таких вариантов рассматривается незаметное для человека нанесение «лазерной метки» во время пользования банкоматом или терминалами самообслуживания в магазине.

Однако если применительно к печати антихриста ее демоническая семиотика ничем не маскируется, предпечать антихриста наделяется более сложным символизмом, поскольку принятие ее не сопровождается непосредственным богоотступничеством, однако предполагает богоотступничество косвенное, латентное, которое, например, видится в добровольном «отказе» от крещального имени и «замене» его каким-либо кодом, шифром, числовой комбинацией. Изгладимый характер принятия предпечати предполагается ее эсхатологическим символизмом – не будучи непосредственно печатью антихриста, она символически приготавливает людей к принятию последней, формируя толерантное отношение к современным информационным технологиям. Очевидно, что семиотика данной образа этим не исчерпывается – предпечать антихриста должна символически указывать на близость последнего времени, приближение апокалипсиса.

Если принявшие печать и нераскаявшиеся в этом примут со временем и печать, то, очевидно, принятие предпечати не является обязательным условием принятия печати: последней могут соблазниться и те, кому удалось избежать соблазна электронных информационных технологий. Спецификой эсхатологических технофобских мифологем является их модернистский характер, маскируемой при помощи фундаменталистской риторики

Вообще смысловые отношения между печатью и предпечатью в соответствующих текстах часто лишены четкости и непротиворечивости, почему их не удастся последовательно разграничивать. Отчасти – это общее свойство мифологических страт дискурса НЭПГНВ, вынужденного оперировать теологическими концептами и мифотеологемами, отчасти – следствие того, что мифотеологема предпечати еще только находится в стадии формирования.

Эсхатологический голод

Тема эсхатологического голода занимает особое место в современных эсхатологических пророчествах, популярных как среди представителей различных маргинальных православных сообществ и юрисдикций, так и среди православного мейнстрима. При этом представления об эсхатологическом голоде в НЭПГНВ обладают отличительными чертами. Описание причин и последствий эсхатологического голода в различных псевдонимных и анонимных пророчествах, приписываемых, часто без достаточного основания различным прозорливцам, старцам, авторитетным церковным деятелям и даже канонизированным святым часто поражает натуралистичностью, пристальным вниманием к деталям и подробностям. Изображаемая ими картина вселенского эсхатологического голода, представленная в эмоциональных модальностях страха, оказывается способной не только оказывать психотравмирующий эффект, но и влиять на социальное поведение людей: призывы бежать из городов в деревню, где последствия голода будут не столь губительны, обретают сегодня известную популярность, хотя и не являются массовыми.

Отчасти востребованность темы «эсхатологический голод» может быть объяснена референциями к новозаветной апокалиптике, прежде всего книге Откровения Иоанна Богослова, в тексте которой описанию эсхатологического голода посвящены стихи 6:8 и 18:8. На место классической догматической эсхатологии Православной Церкви, развивающей и актуализирующей патристические герменевы, в НЭПГНВ приходит «народная эсхатологическая герменевтика», в которой бедность теологического содержания «компенсируется» подчеркнутым интересом к устрашающим деталям, предельно конкретным пониманием эсхатологической символики, акцентом на ассоциации, формирующимся при помощи различных паронимических аттракций. При этом «эсхатологический голод» постоянно ожидается как то, что должно вот-вот начаться, причём – «здесь» и «сейчас», а различные изменения сложившегося уклада повседневной жизни интерпретируются как его символические предвестники. Поэтому денежные, паспортные реформы, переписи, массовые мероприятия санитарно-противоэпидемического характера, становятся включенными в семантическое поле «эсхатологический голод».

На формирование народной эсхатологической герменевтики безусловно повлияли трагические события XX века, однако такого объяснения явно недостаточно.

В большинстве современных профетических нарративов эсхатологический голод упоминается и описывается, не будучи включённым в казуальные отношения. Он предстает перед читателем как некая данность, обусловленная, но не объясняемая апокалиптическими событиями⁴⁵, как денотат не связанный с логическим понятием или связанный минимально, на уровне : «земля не будет родить – начнется голод», при том, что вопрос о причине снижения плодородия не ставится. Предполагается, что это произойдет и будет некоей данностью. Попытки теологического осмысления и объяснения глубинных причин эсхатологического голода не происходит, или же оно ограничивается предельно банальными (вариант - неопределенными) констатациями. При этом акцент делается не на причинно-следственные отношения и духовный смысл соответствующих процессов, но на мрачные и пугающие подробности, которые часто трансформируются в бессистемное нагромождение откровенных ужасов. Характерно, что устойчивым эпитетом эсхатологического голода является прилагательное «страшный», мене частотно встречаются эпитеты «жуткий», «жестокий» и «всемирный». При этом, согласно логике наррации, данные описания голода преследуют преимущественно экспрессивные цели – формирование у реципиента устойчивого чувства страха. Данной прагматике соответствует и включение голода в перечисления различных природных и социальных бедствий: войн, землетрясений, пожаров и т.д., и т.п. без выраженных причинно-следственных отношений.

Анализ относительно немногочисленных нарративов, в которых концепт «эсхатологический голод» оказывается включенным в логическую структуру текста, позволил выявить любопытные герменевтические модели, позволяющие осуществить это вхождение. При этом концепт «эсхатологический голод» в современных профетических нарративах интерпретируется в соответствии с тремя герменевтическими паттернами:

- Голод в контексте урбанوفобской мифологии,
- Эсхатологический голод как условие (контекст) божественного чудесного заступничества,
- Эсхатологический голод как инструмент установления власти антихриста.

При этом возможно их комбинирование в рамках одного текста.

Эсхатологический голод является устойчивым концептом урбанوفобского мифа. Более того, интент-анализ публикаций на тему «эсхатологический голод», размещенных в сети Интернет, позволяет сделать предположение, что через соответствующие нарративы и обусловленную ими

⁴⁵ Высказывания: «война начнется, многие уйдут на войну, землю некому будет возделывать, начнется голод» и под. встречаются, но достаточно редко.

эсхатологическую ажитацию разрешается инверсивное напряжение, обусловленное вовлечением носителей архаического сознания в современные урбанистические процессы.

Полагаем, что причины этого явления восходят к тем социальным процессам, которые обусловили интенсивный рост городов и городского населения в XX веке, при этом переселенцы из деревень, более традиционного, тяготеющего к архаике социума, зачастую лишь фрагментарно и неглубоко усваивали городскую культуру. Становясь формально «горожанами», они лишь фрагментарно усваивали паттерны городской культуры и фактически оставались на низших ступенях городского социума, что не могло не породить растущего инверсивного напряжения, которое приводило к перенесению типичных крестьянских страхов в городскую среду. Страх перед неурожаем и обусловленным им голодом более характерен именно для аграрного населения и в меньшей степени свойственен для городских жителей. Тема эсхатологического голода в связи с этим оказывается созвучной эсхатологическому нарративу о трех эшелонах (предполагается, что высылка будет локализована сельской местностью), алармистским призывам «возвращаться в деревню», различным урбанофобским мифологемам и мифотеологемам, в которых легко угадывается глубинное неприятие городской культуры и города вообще, характерное для архаики. Возможно имеет место и контаминация данных настроений с присущим уже «чисто городской культуре» разочарованием в «городской жизни» по причине растущего психологического дискомфорта и экологического кризиса.

Мифотеологический нарратив о трех эшелонах

В дискурсе НЭПГНВ популярен профетический нарратив о трех эшелонах, повествующий о трех этапах гонений на православных христиан, которые будут инициированы антихристом (вариант – предтечами антихриста в «предантихристовы времена») и осуществлены при помощи спецслужб и армии. Последние выступают как «прислужники антихриста». Данный нарратив представлен в двух основных вариантах, которые можно определить как «дословный» и «аллегорический» при существовании и переходных форм.

Согласно дословной версии, «эшелоны» являются вполне реальными железнодорожными составами, на которых во время предстоящих репрессий, развязанных по воле антихриста, будут депортироваться христиане. Первый эшелон, в котором будут насильственно вывозиться из городов в ссылку (обычно подразумеваются ненаселенные и малонаселенные районы Севера) особо стойкие православные, отказавшиеся не только принять власть антихриста («печать антихриста»), но и последовательно избегавшие любых добровольных контактов с «антихристовой властью», полностью дойдет до места назначения, поскольку «поведёт первый эшелон Господь Бог наш Иисус Христос, а встречать поселенцев будет Божия Матерь. Там будут совершаться чудеса Божьи». Семантика первого эшелона сохраняет известную амбивалентность: с одной стороны, инициирована высылка будут

антихристовой властью, но, с другой стороны, попадание в первый эшелон является благом, причем не только духовным. Характерно, что высланные этим первым эшелоном верующие смогут не только доехать до места высылки, но и относительно комфортно обустроить свой быт. Более того, описание повседневной жизни людей, вывезенных «первым эшелоном», обладает явными чертами идеализации, представляя собой некую контаминацию образов идеальной древнерусской деревни и идеального же современного экологического поселения.

Второй эшелон не является столь же спасительным – он дойдет до места назначения наполовину, а третий не дойдет вовсе – все, или почти все погибнут. В связи с этим делается вывод о том, что «стойким православным» необходимо попасть в первый эшелон, в крайнем случае – во второй. Причем из контекста можно предположить, что частичная гибель второго и полная третьего эшелона одновременно является и телесной (высылаемые погибнут в пути) и духовной – они отпадут от веры.

Верующие, живущие в «предантихристовы времена» должны быть готовы к депортации в любое время, поэтому у них должен быть заранее приготовлен «рюкзачок» или «чемоданчик» с самыми необходимыми вещами.

Согласно «аллегорической версии», депортация христиан в ссылку железнодорожными эшелонами является аллегорией «выхода из системы» и отказа от документов и технологий «электронного царства антихриста» и, в идеале – добровольного переселения из города в деревню. Так, например, «...все надо понимать иносказательно. Пошли паспорта с кодами, чипами, биометрическими данными, и некоторые люди не принимают их – вот они и составят первый эшелон. Все время идет отсеивание христиан. Уступчивые, «соглашатели», – отсеиваются, а те, кто «цепляется за колеса», имеют надежду сопротивляться антихристу».

В качестве переходной версии нарратива, комбинирующей литеральные и аллегорические герменевы, можно рассмотреть такой вариант интерпретации «эшелонов», согласно которому высылка верующих понимается дословно, но спасение депортируемых на первом эшелоне – как сотериологическая метафора – они спасут свою душу от гибели, при том, что их земное избавление от смерти не может быть гарантировано. Во всех случаях сохраняется инвариантная семантическая структура, что позволяет относить различные версии повествования о трех эшелонах к одному мифотеологическому комплексу.

В данную семантическую структуру входят следующие компоненты:

- эсхатологические гонения на христиан,
- принятие документов и использование информационных технологий расценивается как измена и отпадение от Бога,
- спасение наиболее стойких, их защита Богом и Богородицей,
- поэтапное отсеивание «менее стойких»,
- необходимость попасть в первый эшелон, в крайнем случае – во второй.

Очевидно, что на формирование мифотеологического комплекса о трех эшелонах повлияла память о репрессиях 30-50 гг. прошлого столетия, массовых депортациях, высылках, транспортировке репрессированных в лагеря системы ГУЛАГ. Возможно, что и сам термин «эшелон» заимствован из этого дискурса – ср. «эшелоны с заключенными», «высылка эшелонами», «эшелоны с соцвредным элементом».

7. Фантастические дискурсы эсхатологии

В современной культуре, пережившей в 70-90 гг. прошлого века повальное увлечение фантастикой, фантастическое как правило соотносится с жанром «научной фантастики», в которых элемент мистики, если и представлен, то не является ключевым, некоторые исключения не меняют картины. Поэтому даже художественные «фантастические апокалипсисы», как правило, не могут рассматриваться даже как пара-религиозные тексты. С другой стороны, мистические фэнтези и соответствующие ему по жанровой направленности фильмы и компьютерные игры, несмотря на известную популярность, не оказывают значительного влияния на семиосферу, а относительно малочисленное ролевое движение остается явлением субкультурным. В любом случае, на массовые стереотипы восприятия и интерпретации религиозных концептов данные продукты художественной культуры не влияют.

Значительно большая сложность для исследования коренится в глубинных пластах религиозной концептосферы и связана с необходимостью последовательно разграничивать концепты «фантастическое» и «чудесное», что оказывается не всегда возможным. Вера в чудо неотделима от всей авраамической традиции. В традиционной христианской культуре чудо понимается как непосредственное или опосредованное действие в мире Бога, нарушающее привычный ход событий и делающее невозможное реальным и историчным. Отличительной чертой религиозного чуда является его выраженное этическое значение и то, что можно определить как «неслучайный характер» – чудесное является инструментом божественного промысла и его семантика становится понятной лишь в контексте предшествовавших и последующих событий, имеющих провиденциальное значение. Если чудо этично, провиденциально, и в известном смысле традиционно (существует известная типология чудес), фантастическое в религии впечатляюще модернистски нереалистично. При этом неправдоподобный характер фантастического, как нам представляется, объясняется потенциальной бессмысленностью, случайностью, что проявляется в неразработанности значений гиперкатегориального уровня: фантастическое может обладать значением метафорическим (аллегорическим), но почти никогда не обладает символическим значением. Семиотической спецификой фантастического является отсутствие в дискурсе семиотического дрейфа, не дающее развивать символические значения коннотации. И в этом основное семиотическое отличие фантастического и

чудесного: последнее обладает богатым символизмом и способностью варьировать семиотические характеристики. Для того, чтобы убедиться в этом достаточно сравнить семиотику новозаветного чуда в Канне Галилейской или воскресение Лазаря с фантастическим пророчеством о «кристаллической решетке» или «подземных динозаврах», которые популярны в НЭПГНВ.

Фантастическое производит на читателя эффект, но он едва ли не всецело находится в области эмоций. Поэтому фантастическое делает невозможное и невероятное реальным, но только на уровне дискурса. Еще одна отличительная черта – фантастическое в религиозном дискурсе является проявлением модернизма, поскольку не имеет оснований в истории религиозной культуре, прецедентов, позволяющих выстраивать любые параллели с содержанием нормативных традиционных текстов, Писанием и Преданием, тогда как чудесное вполне традиционно, укоренено в традиции религиозной культуры.

Проведенные нами исследования показали, что традиционные и модернистские концепты, хотя и могут воспроизводиться в рамках единого дискурсивного пространства, единой непротиворечивой теологической системы не образуют и образовать в принципе не могут, поскольку являются концептуально несовместимыми. Особенно явно их несовместимость делается очевидной в рамках эсхатологического дискурса, поскольку в эсхатологической перспективе обостряются все неразрешенные концептуальные противоречия. Такое сосуществование принципиально несовместимых концептов порождает явление, которое мы определили как «ламинарная эсхатология».

Заключение

Современная народная эсхатология представляет собой плохо структурированное дискурсивное (в широком смысле) пространство, образуемое мифологемами, теологемами и мифотеологемами различного генезиса, часто взаимоисключающими. Системно-структурные характеристики соответствующих ей эсхатологических нарративов свидетельствуют о том, что находящаяся в процессе становления маргинальная эсхатология, претендующая на статус традиционного церковного учения и (или) «истинного православия», на самом деле в большей степени соответствует установкам постмодернистской ламинарной культуры. Для последней, в свою очередь, характерна трансляция архаических мировоззренческих реликтов под видом «традиции». Архаика как мировоззренческая парадигма оказывается вполне совместимой с установками постмодерна. В силу этого, народная эсхатология достаточно легко адаптирует различные фантастические сюжеты, формально стилизуя последние (при помощи незамысловатого набора лексических и синтаксических штампов) под церковную традицию, которая в значительной

степени воспринимается адептами на уровне стилистики. Благодаря этому даже еретические представления, неканонические (и антиканонические) практики, стилизованные под церковную традицию, получают легитимацию, тогда как положения, соответствующие церковному учению, дискредитируются при помощи клишированных обвинений в «экуменизме», «сергианстве», «модернизме», «киприанизме» etc.

Проведенные исследования показали, что большинство современных эсхатологических нарративов, относящихся к народной религиозности, образуются ограниченным набором мифотеологем, в которых мифологическое содержание превалирует над теологическим. Формируемая мифотеологемами золотого века эсхатологическое время фактически не соотносится со временем историческим, что позволяет отчасти расширить соответствующий герменевтический горизонт. В целом же современная народная эсхатология не формирует сложные герменевтические конструкции, поэтому референции к Св. Писанию и Св. Преданию остаются достаточно редкими. Особая тяга к конспирологии, будучи отличительной чертой НЭПГНВ, объясняется не столько церковно-историческими предпосылками, сколько психологическими и социологическими факторами.

Полагаем, что дальнейшие разработки данной темы позволят проанализировать специфику субкультурной эсхатологической интерпретации современных геополитических процессов и тех внешних вызовов, которые сделали необходимым проведение СВО на Украине. Эсхатологическая интерпретация политической повестки в силу определенной инертности среды и сложности данного предмета для рефлексии в настоящее время находится в стадии первоначального осмысления. Однако мы уверены, что через некоторое время данные материалы будут достаточно информативными для анализа.

В качестве итоговых рекомендаций отметим необходимость учитывать специфику НЭПГНВ при проведении внутренней, в том числе апологетической миссии и экспертных исследований материалов, вероятностно содержащих экстремистский контент.

В пространстве современной ламинарной квази-церковной культуры формируется фактически посттрадиционная «каноника», апеллирующая к особым условиям существования Церкви в начавшуюся апокалиптическую эпоху тотального господства ересей. Утверждение, что канонические нормы не предназначены для регулирования церковных отношений в условиях начавшегося эсхатологического господства ересей, позволяет легитимировать отличные от традиционных критерии каноничности, которые, в свою очередь, трансформируются в пустые рамочные понятия, могущие вместить любые неканонические и антиканонические практики. Как мы показали выше, апелляция к эсхатологии позволяет заявить претензии на то, что в условиях начавшегося апокалиптического завершения мира перестают действовать не только социальные законы, но равным образом перестают действовать и нормы, организующие церковную жизнь, фактически же, под видимостью

«верности истинному православию» часто формируются изуверские практики, культивируется фанатизм и экстремизм и в итоге наступает тотальная деградация и одичание.

Список работ, опубликованных автором по теме диссертации

Основные научные результаты диссертации в виде научного доклада отражены в следующих публикациях автора:

Монографии:

1. Прилуцкий, А. М. Дискурсы и нарративы маргинальной эсхатологии: монография / А. М. Прилуцкий. – Санкт-Петербург: ООО «Медиакросс», 2025. – 372 с. (23,25 п.л.) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=83072261>
2. Прилуцкий, А. М. Семантика и семиотика мифологизированного информационного скандала / А. М. Прилуцкий, В. Ю. Лебедев. – Санкт-Петербург: ООО «Медиакросс», 2021. – 159 с. (10 п.л./5 п.л.) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47572853>

Статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных президиумом ВАК:

А) В научных журналах по теологии:

3. Прилуцкий, А.М. Структурно-семиотическое значение ритуала и проблема трансформации смыслов / А.М. Прилуцкий // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. – 2014. – № 4 (54). – С. 109-122. (0,8 п.л.) (K2) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23018830>
4. Прилуцкий А.М. Давыдов И.П. Эпистема мифоритуала. Макс-Пресс / А.М. Прилуцкий // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. – 2014. – № 3 (53). – С. 151-155. (0,3 п.л.) (K2) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23018821>
5. Прилуцкий, А.М. Теофания в мире и в дискурсе / А.М. Прилуцкий // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2014. – Т. 15. – № 2. – С. 11-17. (0,45 п.л.) (K2) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21942898>
6. Прилуцкий, А.М. Семиотика социо-религиозных контекстов ритуала / А.М. Прилуцкий // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2014. – Т. 15. – № 1. – С. 297-304. (0,5 п.л.) (K2) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21892186>
7. Прилуцкий, А.М. Дискурс ритуала: от хабиутального к сакральному / А.М. Прилуцкий // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. – 2015. – № 3 (59). – С. 55-61. (0,45 п.л.) (26.00.00) (K2) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23752531>

8. Прилуцкий, А.М. Конфессиональная модель современного христианства (критика концепций и парадигм) / Д.К. Богатырев, А.М. Прилуцкий // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2015. – Т. 16. – № 4. – С. 157-168. (0,75 п.л./ 0,38 п.л.) (26.00.00) (K2) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25715577>
9. Прилуцкий, А.М. Образ «чужого» как предмет мифологической семиотизации / А.М. Прилуцкий // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2015. – Т. 16. – № 1. – С. 67-73. (0,45 п.л.) (26.00.00) (K2) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23378346>
10. Прилуцкий, А.М. Семиотическое пространство конспирологического нарратива и мифа / А.М. Прилуцкий // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2016. – Т. 17. – № 3. – С. 264-270. (0,44 п.л.) (26.00.00) (K2) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27486443>
11. Прилуцкий, А.М. Семио-герменевтические особенности дискурсов страха современной маргинальной религиозности / А.М. Прилуцкий // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2017. – Т. 18. – № 1. – С. 185-193. (0,56 п.л.) (26.00.00) (K2) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29421413>
12. Прилуцкий, А.М. Семиотика модальностей современного конспирологического мифа в дискурсах маргинального православия / А.М. Прилуцкий // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. – 2019. – № 82. – С. 94-107. (0,8 п.л.) (26.00.01 = 5.11.2.) (K2) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38527422>
13. Прилуцкий, А.М. Современное движение непоминающих священников: опыт семиотическо-религиоведческого анализа / А.М. Прилуцкий, В.Ю. Лебедев // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. – 2020. – № 88. – С. 103-120. (1,1 п.л. / 0,57 п.л.) (26.00.01 = 5.11.2.) (K2) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43080607>
14. Прилуцкий, А.М. Экстремистское поведение как «акт коммуникации»: теолого-психологический анализ / А.М. Богачев, А.М. Прилуцкий, Г.И. Теплых // Вопросы теологии. – 2021. – Т. 3. – № 2. – С. 267-281. (0,9 п.л. / 0,3 п.л.) (26.00.01 = 5.11.2.) (K1) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46589877>
15. Прилуцкий, А.М. Категориальная семиотика вакцинофобского дискурса конспирологического мифа / А.М. Прилуцкий, Р.А. Соколов // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. – 2021. – № 97. – С. 105-120. (1 п.л. / 0,5 п.л.) (26.00.01 = 5.11.2.) (K2) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47491230>
16. Прилуцкий, А.М. Нарратив о восстановлении монархии в России и его представление в эсхатологическом дискурсе / А.М. Прилуцкий //

- Христианское чтение. – 2023. – № 3. – С. 269-276. (0,5 п.л.) (5.11.2.) (K2) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54525198>
17. Прилуцкий, А.М. «Они вышли от нас, но не были наши». К истории отречения бывшего богослова Александра Осипова / А.М. Прилуцкий, С.Л. Фирсов // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. – 2024. – № 119. – С. 173-187. (0,9 п.л. / 0,45 п.л.) (5.11.2.) (K1) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=75194388>
18. Прилуцкий, А.М. Сценарии церковной власти в неканонических православных юрисдикциях / А.М. Прилуцкий // Христианское чтение. – 2024. – № 4. – С. 109-116. (0,5 п.л.) (5.11.2.) (K1) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=80396193>
19. Прилуцкий, А. М. Эсхатологические религиозные субкультуры в контексте апологетической миссии / А.М. Прилуцкий // Вестник Свято-Филаретовского института. – 2025. – Т. 17. – № 2(54). – С. 226-236. (0,7 п.л.) (5.11.2.) (K2) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=82513574>
20. Прилуцкий, А.М. Ценностная модель традиции: традиция vs архаика / А.М. Прилуцкий // Христианское чтение. – 2025. – № 3. – С. 40-47. (0,5 п.л.) (5.11.2.) (K1) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=85469952>
21. Прилуцкий, А.М. Теолого-психологический анализ маргинальной эсхатологии / А.М. Прилуцкий, А.М. Богачев // Вопросы теологии. – 2025. – Т. 7. – № 3. – С. 473–484. (0,75 п.л./ 0,38 п.л.) (5.11.2.) (K1) <https://theologyjournal.spbu.ru/article/view/23216>
22. Прилуцкий, А.М. Материалы к истории жизни и служения святого праведного Иоанна Кронштадтского / А.М. Прилуцкий, С.Л. Фирсов // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. – 2025. – № 126. – С. 153-164 (0,75 п.л./ 0,38 п.л.) (5.11.2.) (K1) <https://periodical.pstgu.ru/ru/series/issue/2/126/article/8890>

Б) В научных журналах, сопряженных по научным специальностям со специальностью 5.11.2. Историческая теология согласно рекомендации президиума ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ от 24.11.2023 №30/3-разн.:

23. Прилуцкий, А.М. К вопросу о семиотическом анализе мифологических дискурсов / А.М. Прилуцкий // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. – 2015. – № 3. – С. 39-47. (0,56 п.л.) (09.00.00) (K2) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23845347>
24. Прилуцкий, А.М. «Сталинский миф» в религиозном и парарелигиозном дискурсах / А.М. Прилуцкий // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2016. – № 2. – С. 87-95. (0,55 п.л.) (09.00.00) (K1) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26633363>

25. Прилуцкий, А. М. Современное российское религиоведение: вызовы и перспективы институционализации / А.М. Прилуцкий // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2016. – № 1. – С. 108-118. (0,7 п.л.) (09.00.00.) (K1) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25765096>
26. Прилуцкий, А.М. Семиотика модальностей эсхатологического дискурса маргинальной религиозности / А.М. Прилуцкий // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2017. – № 4. – С. 70-80. (0,7 п.л.) (09.00.00) (K1) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29896807>
27. Прилуцкий, А.М. «Святой старец Григорий Новый»: категориальная семиотика образа / А.М. Прилуцкий // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2017. – Т. 19. – С. 124-130. (0,45 п.л.) (09.00.00) (K2) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28147655>
28. Прилуцкий, А.М. Семиотика ритуалосферы современных «царебожников» / А.М. Прилуцкий // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2017. – № 3. – С. 210-220. (0,7 п.л.) (09.00.00) (K1) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30382623>
29. Прилуцкий, А.М. Семиотика ритуалосферы царя-страстотерпца Павла Петровича в контексте царебожнического мифа / А.М. Прилуцкий // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2018. – № 4. – С. 129-138. (0,6 п.л.) (09.00.00) (K1) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35450977>
30. Прилуцкий, А.М. Семиотика новейшего агиологического мифа и формирование неканонических культов / А.М. Прилуцкий // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2018. – Т. 23. – С. 102-109. (0,5 п.л.) (09.00.00) (K2) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=34875928>
31. Прилуцкий, А.М. Алармистские дискурсы народной православной эсхатологии / А.М. Прилуцкий // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2018. – № 3-1. – С. 195-204. (0,63 п.л.) (09.00.00) (K1) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35450660>
32. Прилуцкий, А.М. Эсхатологическая мифологема сакрального убежища в дискурсах православных субкультур / А.М. Прилуцкий // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2019. – № 3. – С. 128-136. (0,6 п.л.) (09.00.14 = 5.7.9.) (K1) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38190024>
33. Прилуцкий, А.М. Семантика мифологемы о вечном возвращении в дискурсах народной православной эсхатологии / А.М. Прилуцкий // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2019. – Т. 27. – С. 48-54. (0,4 п.л.) (09.00.14 = 5.7.9.) (K2) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37134575>

34. Прилуцкий, А.М. Концепт «жидомасонство» как пустое рамочное понятие и семиотическая фикция / А.М. Прилуцкий // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2019. – № 3. – С. 117-127. (0,7 п.л.) (09.00.14 = 5.7.9.) (K1)
<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39954706>
35. Прилуцкий, А.М. Семиотическая специфика «новой эсхатологии» и техногенный эсхатологизм / А.М. Прилуцкий // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2020. – Т. 9. – № 2А. – С. 5-13. (0,56 п.л.) (09.00.14 = 5.7.9.) (K2) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43178413>
36. Прилуцкий, А.М. Семиотическая специфика современного герменевтического дискурса народной эсхатологии / А.М. Прилуцкий // Общество. Среда. Развитие. – 2020. – № 2(55). – С. 90-96. (0,44 п.л.) (24.00.01 = 5.10.1.) (K1) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43170522>
37. Прилуцкий, А. М. Категориальная семиотика оппозиции деревня-город в современном эсхатологическом дискурсе / А.М. Прилуцкий // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2020. – № 3. – С. 80-93. (0,9 п.л.) (09.00.14 = 5.7.9.) (K1)
<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44141851>
38. Прилуцкий А.М. «Вакцинирование» vs «чипирование»: триггеры эсхатологической мифологии в условиях противоэпидемических мероприятий / А.М. Прилуцкий // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2021. – Т. 21. – № 3. – С. 108-118. (0,7 п.л.) (09.00.14 = 5.7.9.) (K1)
<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46184608>
39. Прилуцкий, А.М. Образ Китая в современных дискурсах маргинальной эсхатологии / А.М. Прилуцкий // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2021. – Т. 36. – С. 109-117. (0,56 п.л.) (09.00.14 = 5.7.9.) (K2)
<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46170232>
40. Прилуцкий, А.М. «Электронный концлагерь антихриста»: семиотика мифологемы / А.М. Прилуцкий // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2021. – № 3. – С. 216-227. (0,8 п.л.) (09.00.14 = 5.7.9.) (K1)
<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46528480>
41. Прилуцкий, А.М. Семиотика двойничества в современной эсхатологии / А.М. Прилуцкий // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2022. – Т. 22. – № 3. – С. 113-125. (0,8 п.л.) (5.7.9.) (K1)
<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48696383>
42. Прилуцкий, А.М. Концепт «эсхатологическая война» в современном маргинальном профетическом дискурсе / А.М. Прилуцкий // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2022. – Т. 40. – С. 105-113. (0,6 п.л.) (5.7.9.) (K2)
<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48656843>

43. Прилуцкий, А.М. Семиотика и семантика концепта «Север» в эсхатологических дискурсах сакральной географии / А.М. Прилуцкий // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2022. – № 3. – С. 140-151. (0,7 п.л.) (5.7.9.) (K1) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49490104>
44. Прилуцкий, А.М. Образ «Грядущего царя» и мифологемы современного эсхатологического монархизма / А.М. Прилуцкий // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2023. – Т. 23. – № 3. – С. 108-118. (0,7 п.л.) (5.7.9.) (K1) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54088069>
45. Прилуцкий, А.М. Монархические мифотеологемы современного фундаменталистского дискурса: герменевтическая специфика / А.М. Прилуцкий // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2023. – Т. 43. – С. 81-90. (0,6 п.л.) (5.7.9.) (K2) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50393836>
46. Прилуцкий, А.М. Эсхатологическая фоновая конспирология: формирование стереотипов и трансформации модальностей / А.М. Прилуцкий // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2023. – № 3. – С. 118-133. (1 п.л.) (5.7.9.) (K1) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54603024>
47. Прилуцкий, А. М. К вопросу о формировании терминологического тезауруса современного дискурса маргинальной эсхатологии / А.М. Прилуцкий // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. – 2024. – № 3(23). – С. 84-92. (0,56 п.л.) (5.7.9.) (K2) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=75106084>
48. Прилуцкий, А.М. Исследования маргинальной эсхатологии: типологизация источников / А.М. Прилуцкий // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. – 2024. – № 4(24). – С. 96-105. (0,5 п.л.) (5.7.9.) (K2) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=75179668>
49. Прилуцкий, А. М. Прагматика конспирологических мифологем / А.М. Прилуцкий // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2024. – № 3. – С. 124-135. (0,75 п.л.) (5.7.9.) (K1) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=74329342>
50. Прилуцкий, А. М. Стратегии канонической полемики и апологетики сообществ «альтернативного православия» / А.М. Прилуцкий // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2024. – Т. 25. – № 2. – С. 142-149. (0,5 п.л.) (5.7.9.) (K1) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=69207098>
51. Прилуцкий, А.М. Заповедные места в дискурсах сакральной географии / В. Ю. Лебедев, А. М. Прилуцкий // Вестник славянских культур. – 2024. – № 72. – С. 9-24. (1 п.л./ 0,5 п.л.) (5.10.1.) (K1) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=68535951>
52. Прилуцкий, А.М. Сталинский миф: сюжетные линии и историческая достоверность / А.М. Прилуцкий, С.Л. Фирсов // Труды кафедры богословия

- Санкт-Петербургской Духовной Академии. – 2025. – № 2(26). – С. 182-192. (0,7 п.л. / 0,35 п.л.) (5.7.9.) (K2) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=82475196>
53. Прилуцкий, А. М. Новые нарративы сталинского мифа / А.М. Прилуцкий // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2025. – № 3. – С. 194-205. (0,75 п.л.) (5.7.9) (K1) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=82942078>

Публикации в иных изданиях:

54. Прилуцкий, А.М. «Сталинский миф» в религиозном и парарелигиозном дискурсах: проблема модальностей / А.М. Прилуцкий // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2016. – № 4 (44). – С. 121-126. (0,38 п.л.) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28416037>
55. Прилуцкий, А.М. Эпистемические модусы апофатики / А.М. Прилуцкий // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2017. – № 2. – С. 57-63. (0,44 п.л.) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29185633>
56. Прилуцкий, А.М. «Политический антихрист»: семиотика мифологемы и образа / А.М. Прилуцкий // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2018. – № 2. – С. 53-57. (0,3 п.л.) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35449815>
57. Прилуцкий, А.М. «Ересь киприанизма» как мем информационного пространства / А.М. Прилуцкий // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. – 2021. – № 3 (11). – С. 48-57. (0,63 п.л.) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47130968>
58. Прилуцкий, А.М. «Зоино стояние» – семиотика мифологического нарратива / В.Ю. Лебедев, А.М. Прилуцкий // Вестник славянских культур. – 2020. – Т. 55. – С. 8-20. (0,8 п.л./0,4 п.л.) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42595896>
59. Прилуцкий, А.М. Семантическая диффузия современных конспирологических и эсхатологических мифологем / А.М. Прилуцкий // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2023. – № 2(77). – С. 139-148. (0,63 п.л.) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54044924>
60. Прилуцкий, А. М. Комментарий в блогосфере как религиоведческий источник (по материалам православного сегмента Интернета) / А. М. Прилуцкий // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 3. – С. 111-120. (1 п.л.) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=67911367>